

*И. С. ПУСТОВОЙТ*¹

**«ЕВРОПЕЕЦ ПО ПРЕИМУЩЕСТВУ»:
НЕЗАВЕРШЁННАЯ БИОГРАФИЯ С. С. УВАРОВА,
НАПИСАННАЯ П. И. БАРТЕНЕВЫМ**

Петр Иванович Бартенеv (1829–1912) – известный историк, литературовед, археограф, основоположник пушкинистики, основавший и более 40 лет издававший исторический журнал «Русский архив». Его обширный фонд, отложившийся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 46) и насчитывающий 1731 единицу хранения, представляет собой уникальный комплекс материалов, связанных с историей литературы и общественной мысли конца XVIII – первой половины XIX в. («карамзинской» и «пушкинской» эпох, если пользоваться хронологией, предложенной В.Г. Белинским²). Среди документов, отложившихся в фонде П. И. Бартенева, – его дневники и записные книжки, переписка, заметки и записи о В. А. Жуковском, А. С. Пушкине, Т. Г. Шевченко, примечания к «Слову о полку Игореве», «Запискам» Е. Р. Дашковой, тетради с записями рассказов очевидцев о последних днях А. С. Пушкина, рукописи писем и документов выдающихся государственных деятелей, литераторов, учёных XVIII–XIX вв. (И. И. Шувалова, А. Д. Блудовой и др.). Многие из этих материалов, в силу их научной и художественной ценности, привлекают внимание специалистов по истории литературы, образования и общественной мысли.

Между тем в научной литературе остаётся малоизвестным тот факт, что П. И. Бартенеvu была уготована роль первого биографа графа Сергея Семёновича Уварова (1786–1855) – известного администратора просвещения, мыслителя и государственного деятеля двух царствований³, чьё имя

¹ Пустовойт Иван Сергеевич – аспирант, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, botanpustovoit@gmail.com

² Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 3-х т. Т. 3. Статьи и рецензии: 1843–1848. М.: Гослитиздат, 1948. С. 211.

³ Фонд П. И. Бартенева в РГАЛИ почти не заинтересовал исследователей, изучающих научную, литературную и государственную деятельность С. С. Уварова. Исключением можно

неразрывно связано с историей отечественной системы просвещения первой половины XIX в.⁴. Дело в том, что ещё в 1864 г., то есть спустя девять лет после кончины С. С. Уварова, П. И. Бартенева, по предложению сына С. С. Уварова – Алексея Сергеевича, приступил к написанию первой биографической работы о С. С. Уварове. За написание биографии отца А. С. Уваров планировал выплачивать Бартеневу каждые четыре месяца 1500 рублей серебром в течение трех лет, с условием, что биография С. С. Уварова будет составлена «со всевозможной полнотой, наподобие сочинения профессора [Г. Г.] Перца о бароне Штейне и [К. Л.] Блюма о графе [Я. Е.] Сиверсе»⁵. Если бы Бартенева завершил работу над биографией до истечения трёхлетнего срока, то А. С. Уваров был готов выплатить ему всю сумму немедленно⁶.

Привлечение П. И. Бартенева к работе над «Биографией...» не было случайным. Ещё будучи студентом Московского университета, историко-филологический факультет которого он успешно окончил в 1851 г., П. И. Бартенева, благодаря своим «способностям к научному творчеству и знанию многих языков», обратил на себя внимание профессоров Т. Н. Грановского и М. П. Погодина, которые поощряли его первые шаги в науке. Уже в студенческие годы он участвовал в составлении «Биографического словаря питомцев Московского университета»⁷, а также подготовил «Словарь языка древних русских летописей», «Рассуждение о языке и слоге Несторовой летописи», занимался переводами⁸. Закреплению научного авторитета П. И. Бартенева-историка способствовала его научно-публицистическая активность, сотрудничество с ведущими журналами 1850–1860-х гг. «Русская беседа», «Москвитянин», «Русский вестник».

считать диссертацию Н. А. Зверевой, которая в обзоре источников упоминает факт привлечения П. И. Бартенева к написанию биографии Уварова (см.: *Зверева Н. А.* Общественно-политические взгляды С. С. Уварова: автореферат дис... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2005. С. 4). Однако к самим материалам фонда Бартенева Зверева не обращалась.

⁴ В разные годы С. С. Уваров занимал должности: попечителя Санкт-Петербургского учебного округа (1811–1821 гг.); президента Императорской Академии наук (1818–1855 гг.); министра народного просвещения (1833–1849 гг.) (*Bumteker Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Академический проект, 1999. 350 с.).

⁵ В качестве образцов исторической биографии названы труды: *Pertz G. H.* Steins Ministerium vom September 1807 bis November 1808: Bd. 1–2. Berlin, 1856. Bd. 2. 567 s.; *Blum K. L.* Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sievers. Denkwürdigkeiten zur Geschichte Rußlands. Bd. 1–4. Leipzig und Heidelberg, 1857–1858.

⁶ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 79.

⁷ *Шmidt С. О.* П. И. Бартенева и книге о нем // *Зайцев А. Д.* Петр Иванович Бартенева. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 3–6.

⁸ *Фёдоров В. А.* Бартенева Пётр Иванович // *Андреев А. Ю., Цыганков Д. А.* Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 52–54.

В 1863 г. П. И. Барте́нев выступил основателем фундаментального исторического журнала пореформенной России «Русский архив», издателем, редактором и публикатором которого оставался вплоть до своей смерти в 1912 г. Журнал стал местом публикации огромного корпуса источников по истории XVIII – первой половины XIX вв., а его издатель получил известность благодаря своим новаторским для того времени методам сбора и публикации документальных памятников. В частности, формируя блок исторических и литературно-биографических материалов журнала, П. И. Барте́нев стал одним из первых публикаторов, кто вел поиск документов в государственных архивах и учреждениях. Он также обращался к владельцам семейных архивов, друзьям и знакомым лиц, представлявших для него особый интерес (прежде всего, А. С. Пушкина и декабристов). Научно-исследовательский характер зачастую приобретали его комментарии к документальным публикациям.

Соответственно, к моменту начала работы над «Биографией...» П. И. Барте́нев уже обладал опытом архивной работы, научной репутацией, представлял ценность источника и приемы археографической работы. Обширные знания, талант рассказчика, неутомимая деятельность по сбору сведений и воспоминаний об А. С. Пушкине позволили П. И. Барте́неву уже к началу 1860-х гг. утвердиться в качестве авторитетного специалиста в области биографических исследований. М. П. Погодин, характеризуя П. И. Барте́нева как скрупулёзного исследователя жизни и творчества А. С. Пушкина, писал 17 декабря 1851 г. ректору Санкт-Петербургского университета П. А. Плетневу: «Это настоящий биограф – и смею сказать, что наша обязанность общая доставлять ему материалы. Лучших рук предположить нельзя»⁹. Таким образом, выбор П. И. Барте́нева в качестве потенциального автора биографической работы о С. С. Уварове, сделанный А. С. Уваровым, представляется вполне логичным и обоснованным.

Биографию С. С. Уварова Барте́нев так и не написал, рукопись её I главы обрывается на моменте рождения Уварова в 1786 г.¹⁰ Однако при подготовке биографии было собрано большое количество ценного для современных исследователей материала: стихи С. С. Уварова 1806–1808 гг., отрывки из его записной книжки (на французском языке), уникальное письмо отца С. С. Уварова Сергея Федоровича Уварова жене – Дарье Ива-

⁹ Цит. по: *Гордін А. М.* П. И. Барте́нев – биограф Пушкина // *Барте́нев П. И.* О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992. С. 16.

¹⁰ Можно предположить, что А. С. Уваров всё-таки ознакомился с содержанием рукописи незавершённой I главы «Биографии...». Об этом говорит несколько помет и исправлений на полях рукописи I главы, сделанных, вероятно, А. С. Уваровым, которому П. И. Барте́нев мог предоставить черновой вариант I главы для ознакомления. В частности, напротив вводимого абзаца I главы (написанного в панегирическом стиле) стоит карандашная помета – «красота». Судя по всему, первоначальная оценка А. С. Уваровым работы П. И. Барте́нева была высокой (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 198).

новне (урожд. Головиной), от 3 июля 1788 г. из Выборга, незадолго до его гибели на русско-шведской войне 1788–1790 гг., письма С. С. Уварова матери 1809 г., выписки из писем С. С. Уварова его брату Ф. С. Уварову 1805–1818 гг. на французском и русском языках, касающиеся наименее изученных исследователями вопросов (семейных долгов, заложения семейного поместья, женитьбы на Е. А. Разумовской и т. д.). Более того, Бартенева, судя по всему, впервые перевёл с французского языка мемуарный текст Уварова «Опыт автобиографии, посвящённый моему сыну» (1852 г.), который несколько лет назад также был переведён и опубликован московским историком М. М. Шевченко¹¹.

Особенная ценность работы Бартенева состоит в том, что, переводя «Опыт автобиографии...» Уварова, он оставлял на полях большое количество собственных комментариев, каждый из которых представляет отдельный интерес. Комментарии были основаны на известных историкам светских слухах, рассказах А. С. Уварова¹², а также на сведениях самого Бартенева, а потому нуждаются в перепроверке. При этом собранные П. И. Бартевым при подготовке «Биографии...» материалы, также отложившиеся в его личном фонде в РГАЛИ (ф. 46, оп. 1, ед. хр. 7), представляют собой не меньший исследовательский интерес, нежели сама рукопись незавершённой «Биографии гр. С. С. Уварова». П. И. Бартенева был едва ли не первым, кому удалось поработать с бумагами из личного архива С. С. Уварова по приглашению его сына¹³. Многие из документов, привлечённых П. И. Бартевым при подготовке «Биографии...», оставались ещё неразобранными после кончины С. С. Уварова и, соответственно, имеют особую ценность.

Что касается содержания «Биографии...», то можно отметить, что работа написана в художественном и даже панегирическом стиле (в особенности это касается вступительной части). Подобный стиль изложения можно объяснить как уровнем развития исторической науки в

¹¹ Уваров С. С. Опыт автобиографии, посвященный моему сыну // Опыт автобиографии Сергея Уварова. 1852 // Тетради по консерватизму. № 1. 2018. С. 298–318.

¹² К примеру, в материалах к «Биографии...» П. И. Бартенева сообщал интересное свидетельство, полученное от сына С. С. Уварова, который, в свою очередь, слышал его от своего отца. Согласно этому свидетельству, император Александр I незадолго до своей смерти в 1825 г. намеревался назначить С. С. Уварова министром народного просвещения (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 17). Косвенным подтверждением этого утверждения служат мемуары самого С. С. Уварова, который в своем «Опыте автобиографии...» указывал на то, что Александр I незадолго до своей кончины вернул ему свое «прежнее благоволение». При этом С. С. Уваров упомянул о своей личной встрече с императором, которая состоялась во время похорон генерала Ф. П. Уварова 27 ноября 1824 г. в Александро-Невской лавре. Согласно С. С. Уварову, во время беседы между ним и императором, Александр I пожелал ему отречься от «заблуждений» юности, то есть приверженности либеральным идеям, которые были характерны для начального периода его царствования (Уваров С. С. Опыт автобиографии... С. 305).

¹³ Уваров С. С. Опыт автобиографии... С. 280.

середине XIX в., когда ещё не был должным образом сформирован комплекс исследовательских процедур (методы исторического исследования, критика источника и т. д.)¹⁴, так и тем, что П. И. Бартенева писал «Биографию...» спустя небольшой промежуток времени после кончины С. С. Уварова, когда ещё не утихли споры об этом человеке, оставленном им наследии, не сложились условия для написания серьёзного научного биографического исследования¹⁵. Кроме того, П. И. Бартенева писал работу по заказу сына С. С. Уварова, что также накладывало на него определённые обязательства и ограничения.

И всё же, несмотря на то что работа П. И. Бартенева имеет признаки беллетризации, некоторые утверждения биографа о С. С. Уварове, содержащиеся в ней, и ныне представляют научный интерес и в связи с этим требуют дополнительного комментария. В частности, обращает на себя внимание данная П. И. Бартенева характеристика С. С. Уварова как сторонника европейского просвещения, европейских образовательных практик и европейского опыта управления просвещением. По яркому определению П. И. Бартенева, С. С. Уваров был «наиболее зрелым плодом европейского просвещения на русской почве», тем, кто «обильно вкусил от благ европейской образованности и может быть назван европейцем по преимуществу». Как отмечал П. И. Бартенева, «распространение европейских начал» было лейтмотивом государственной и общественно-научной деятельности С. С. Уварова на всех этапах его политической и научной карьеры¹⁶. Этот тезис представляется вполне справедливым, о чём гово-

¹⁴ Следует подчеркнуть, что использование П. И. Бартенева слухов и рассказов современников в качестве исторических источников (что, по сути, говорит о принадлежности его труда к жанру исследований в области «устной истории») было вполне обычным явлением для исторических сочинений середины XIX в. Работая над биографиями В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, П. И. Бартенева также обращался к сбору свидетельств очевидцев (*Бартенева П. С. П. И. Бартенева: [Некролог] // Русский архив. 1912. № 12. С. 571–572*).

¹⁵ Другой современник С. С. Уварова князь Г. А. Щербатов – попечитель Санкт-Петербургского учебного округа в 1850–1855 гг., в своих мемуарах, написанных в 1870 г., отмечал, что именно издание биографического труда об С. С. Уварове могло бы поставить точку в спорах об этом человеке (*Маркевич Б. М. Князь Григорий Щербатов о графе Уварове. Москва: Унив. тип. (Катков и К^о), 1870. С. 9–10*).

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 198. Отметим, что если разделять мысль П. И. Бартенева о том, что С. С. Уваров, побывав в Европе в 1800-х гг. и впоследствии вернувшись из неё в Россию, сумел наиболее глубоко познать сущность и значение европейской цивилизации, то не будет преувеличением заключить, что именно С. С. Уваров был одним из первых государственных и общественных деятелей России, кто смог после своего пребывания в Европе глубоко осмыслить суть и значение европейской цивилизации. Это корректирует устоявшийся в научной и научно-публицистической литературе тезис о том, что П. Я. Чаадаев, совершивший в 1823–1826 гг. поездку в Европу, послужившую впоследствии стимулом к написанию известных «Философических писем», был «первым русским», кто смог после своего возвращения из Европы идеологически оформить противопоставление европейской цивилизации и путей духовного развития России (*Тарасов Б. Н. П. Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. 2-е изд., доп. М.: Со-*

рит анализ идейной эволюции С. С. Уварова, а также основных направлений его государственной и общественно-политической деятельности.

Прежде всего, очевидно, что С. С. Уваров, будучи воспитан аббатом Мангеном ревностным поклонником идей эпохи Просвещения, имея опыт дипломатической службы в 1800-х гг., в ходе которой осуществил несколько поездок в Европу, где установил связи с виднейшими представителями европейской научной мысли и культуры: Ф. Шлегелем, Вильгельмом фон Гумбольдтом, И.-В. Гёте, Ж. де Сталь, эпистолярные контакты с которыми сохранил и после возвращения в Россию¹⁷, – о «европейских началах» имел четкое представление. Достаточно заметить, что в начале 1810-х гг. С. С. Уваров, по его собственным словам, уже был знаком с такими передовыми идеями той эпохи, как ланкастерский метод взаимного обучения и «немецкая» модель университета. Изучение этих новаторских концепций было продиктовано личным интересом С. С. Уварова, и он посвятил этому значительное время¹⁸.

Обладая глубокими познаниями в области европейских образовательных традиций и опытов, которые он активно поддерживал, С. С. Уваров, начав в 1811 г. свою деятельность «на ниве просвещения» в качестве

временник, 1989. С. 5–7; *Мандельштам О. Э. Пётр Чаадаев // Мандельштам О. Сочинения в 2 т. Т. 2. Проза. Переводы. М.: Художественная литература, 1990. С. 156).*

¹⁷ *Дурьлин С. Н. Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. 1932. № 4–6; / Предисл. ред. С. 81–504; Он же. Г-жа де Сталь и ее русские отношения // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33/34. С. 217–286. При этом, поддерживая переписку с зарубежными корреспондентами, С. С. Уваров не переставал знакомиться с новейшими научными исследованиями, выходившими в Европе. Факт обмена иностранной литературой и исследованиями отражается, в частности, в его переписке с Н. М. Карамзиным, которому Уваров в 1811–1812 гг. послал несколько книг Фр. Шлегеля («О языке и мудрости индийцев» и «О новейшей истории»), имевших большой общественный и научный резонанс (Письма Н. М. Карамзина к С. С. Уварову // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века / Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом); под редакцией П. Н. Беркова, Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана. Л.: Наука, 1969. С. 351–354). Причём вместе с этой посылкой Уваров, как следует из сохранившегося в его личном фонде в ОПИ ГИМ оригинала письма Карамзину, приложил к ней список недавно изданных в Париже книг с небольшими аннотациями, которые также могли заинтересовать его корреспондента (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 4)*

¹⁸ В частности, о процессе освоения методики взаимного обучения С. С. Уваров в ретроспективной манере писал в итоговом докладе министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну от 2 мая 1821 г. В нём Уваров замечал, что он «сдва ли не первым в России» начал основательно заниматься изучением ланкастерского метода, собирая о нём научную литературу и разные сведения, на основании которых можно было убедиться в полезности системы Ланкастера при обучении детей. По словам Уварова, он впервые заинтересовался методикой Ланкастера сразу после окончания войны с Наполеоном – в момент «открытия свободных сношений с Англией, получив оттуда ещё в конце 1812 г. всё, что было тогда напечатано о системе ланкастерских школ», чтобы, «продолжая тщательно рассматривать дух и форму сей методы», был он «в состоянии участвовать в мерах, предпринятых с высочайшего повеления по предмету», не совсем ему «чуждому» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 219–220).

попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, приложил немало усилий к интеграции России в европейское образовательное пространство, к приобщению её к достижениям европейской науки и общественной мысли конца XVIII – начала XIX в. Иницируя многие свои преобразования, С. С. Уваров нередко апеллировал к европейскому образовательному опыту с целью обоснования необходимости проведения предлагаемой реформы. В частности, в своей записке от 4 апреля 1817 г., поданной на рассмотрение Главного правления училищ (далее – ГПУ), центрального координирующего органа Министерства народного просвещения (далее – МНП) в 1800–1830-х гг., С. С. Уваров, представляя проект «второго разряда» Главного педагогического института (далее – ГПИ), предполагавший создание специального учреждения для подготовки учителей начальных училищ¹⁹, призывал руководство МНП обратить внимание на европейские образовательные идеи. «Народное воспитание, – писал С. С. Уваров, – то есть в теснейшем смысле воспитание простого народа, сделалось одним из главных предметов общего попечения Европы. Доколе мы не обратимся к сему единственному началу просвещения, дотоле мы не должны ласкаться надеждой, что семена, случайно брошенные в непредуготовленную землю, могли бы принести желаемый плод». Спустя полгода на собрании ГПУ 14 ноября 1817 г. Уваров высказался ещё более выразительно. «Мы, – обращался тогда к членам ГПУ Уваров, – не можем более подвергаться справедливому, но строгому суждению Европы, требующему от нас отчёта не в наружном и часто обманчивом блеске, но в самом существе предпринимаемых нами мер в исполнении возложенного на нас звания»²⁰.

С. С. Уваров действительно считал, что успешное проведение реформ в сфере образования возможно только при условии следования европейскому опыту управления просвещением, в форме заимствования европейских образовательных практик²¹. Вполне закономерной в данном контексте выглядит последовательная приверженность С. С. Уварова ли-

¹⁹ Жуковская Т. Н. Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800–1810-х гг. (по письмам и дневникам) // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. Вып. 9. Йошкар-Ола, 2016. С. 85.

²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 25, 70–72.

²¹ Примечательно, что в своей речи, произнесённой 22 марта 1818 г. во время торжественного открытия кафедр восточных языков ГПИ, С. С. Уваров отметил, что «никакая сила человеческая не может более противоборствовать могущественному гению Европы», и что Россия, как «младший сын в многочисленном европейском семействе», заслужила, после победоносного завершения наполеоновских войн, «включения» её в европейскую семью народов, поскольку она готова «по примеру Европы помышлять о свободных понятиях», как о «последнем и прекраснейшем даре Бога» (Речь Президента Императорской Академии наук, попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, в торжественном собрании Главного педагогического института, 22 марта 1818 года // Уваров С. С. Государственные основы / Сост., предисл. и коммент. В. Б. Трофимовой / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 309, 311, 315–316).

берально-просветительским принципам, заложенным в учредительных документах МНП 1803–1804 гг. – «Предварительных правилах народного просвещения» и университетских уставах²². В основе этих документов, разработанных идеологами образовательных реформ начала царствования императора Александра I, лежали идеи эпохи Просвещения, а также опыт управления сферой просвещения европейских государств.

С. С. Уваров как попечитель Санкт-Петербургского учебного округа внёс значительный вклад в дело реализации принципов 1803–1804 гг. – академической автономии, общедоступности образования, целостности и последовательности ступеней образования: начального, среднего и высшего, идей народного просвещения²³. С. С. Уваров не только осуществил в подведомственном округе радикальную перестройку гимназического образования, в результате которой гимназии были интегрированы в иерархическую систему учебных заведений и начали выполнять предначертанную им школьным Уставом 1804 г. задачу – готовить слушателей университетских курсов²⁴, но и активно способствовал утверждению в России ланкастерского метода взаимного обучения, а также адаптации «немецкой» модели университета. Именно на основе «немецкой» модели университета был организован Санкт-Петербургский университет в 1819 г., созданный по инициативе С. С. Уварова на базе Главного педагогического института²⁵. В стенах университета трудились виднейшие представители европейской научной мысли начала XIX в.: профессор всеобщей истории и немецкой словесности Э. Б. Раупах, профессора арабской и персидской словесности Ж. Ф. Деманж и Ф. Б. Шармуа, профессор латинской и греческой словесности Ф. Б. Грефе. Все упомянутые ученые начали свою научную и преподавательскую деятельность в составе профессорской

²² В своих воспоминаниях С. С. Уваров отмечал, что его деятельность на должности попечителя – это время «гораздо более химерических намерений и незрелых планов, нежели реальных вещей». Но все эти планы – плоды «гаммы воображения» Александра I. То есть Уваров однозначно позиционировал себя сторонником либеральных реформ начала царствования Александра I (*Уваров С. С. Опыт автобиографии... С. 309, 318*).

²³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. I. СПб., 1875. Стб. 14–20, 295–319.

²⁴ *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров... С. 79.

²⁵ Выставив внутреннюю структуру Санкт-Петербургского университета, С. С. Уваров вновь апеллировал к европейским моделям высшего образования. В своём представлении министру А. Н. Голицыну от 13 января 1819 г. «по поводу первоначального образования в С.-Петербурге университета», а также «Объяснении касательно предполагаемого образования Санкт-Петербургского университета», поданном в ГПУ, С. С. Уваров указывал, что отдельные элементы организации Санкт-Петербургского университета (факультетская структура, разделение административных обязанностей между ректором и директором и т. д.) были им позаимствованы из Галльского университета и из Французского национального института (С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819–1919. Материалы по истории С.-Петербургского университета. Т. 1. 1819–1835. Ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919. С. 1–3).

корпорации Петербургского университета благодаря личному приглашению и поддержке С. С. Уварова²⁶.

Даже несмотря на кризис собственной административной стратегии, который произошёл на рубеже 1810–1820-х г., С. С. Уваров сумел сохранить свою позицию последовательного сторонника европейской модели высшего и среднего образования. Он выступил против «партии крайней реакции»²⁷, в которую входили приближённые министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицына – М. Л. Магницкий, Д. П. Рунич и А. С. Стурдза, которые не только подвергли ревизии принципы, заложенные в учредительных документах 1803–1804 гг., но и стремились дискредитировать результаты деятельности С. С. Уварова на посту попечителя. На протяжении нескольких лет С. С. Уваров, находясь в оппозиции к общему курсу министерства, отстаивал принципы автономии университетов, народного просвещения и ориентации на европейские стандарты в научной и кадровой политике, но не преуспел в этом. Потерпев ряд чувствительных поражений, какими стали критика и отклонение уваровского проекта Устава Санкт-Петербургского университета (1819–1820 гг.), запрет книги «Право естественное» А. П. Куницына (1820), дело о «беспорядках» в Благородном пансионе при Петербургском университете (1821), дискредитация деятельности и последующее упразднение открытого им при С.-Петербургском университете Учительского института (1821–1822) – Уваров подал в отставку с должности попечителя в 1821 г.²⁸.

Очевидно, что решение подать в отставку, которое он объяснял необходимостью поправить здоровье, было продиктовано нежеланием участвовать в откровенно контрреформаторских мерах министерства А. Н. Голицына. Об этом говорят не только мемуары самого С. С. Уварова, но и его известное протестное письмо на имя императора Александра I от 18 ноября 1821 г.²⁹ Но и получив отставку в 1821 г. и планируя, по собственным словам, со сферой просвещения «навсегда распрощаться»³⁰, С. С. Уваров не изменил представлениям о европейском выборе в попытках реформирования отечественной системы образования.

²⁶ Жуковская Т. Н. Национальные группы в составе профессоров Санкт-Петербургского университета в начале XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. 2011. № 2(20). С. 15–16.

²⁷ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 221.

²⁸ Пустовойт И. С., Жуковская Т. Н. «Линия Уварова» vs «Линия Магницкого»: идеологическая борьба в министерстве народного просвещения в 1817–1821 годах и первая отставка С. С. Уварова // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 111–125.

²⁹ [Письмо бывшего попечителя Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварова к императору Александру I] // Сухомлинов М. И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб.: А. С. Суворин, 1889. С. 378–379.

³⁰ Уваров С. С. Опыт автобиографии... С. 309, 318.

В результате, вернувшись в МНП спустя десять лет, в 1832 г., в период правления Николая I, С. С. Уваров продолжал придерживаться идей, заложенных в учредительных документах 1803–1804 гг. В своём «Опыте автобиографии...», оценивая ротации в высших эшелонах власти в начале нового царствования, которые привели к назначению на руководящие должности сановников, чьё мировоззрение сформировалось под влиянием либеральных реформ начала правления Александра I, С. С. Уваров отмечал: «Итак, люди, более-менее разделявшие с императором Александром его мечтания, теперь в новое царствование очутились во главе управления. *Ни время, ни опыты не исправили их*, и как везде, они продолжали оставаться, быть может, даже сами не осознавая того, под обаянием грез 1802 и 1803 года»³¹ (курсив наш. – *И. П.*). Очевидно, что, характеризуя плеяду реформаторов николаевской эпохи, Уваров не отделял себя от них, т. е. «под обаянием грез 1802 и 1803 г.» в определенной мере оставался и он сам.

Вступая в должность министра народного просвещения, в одной из своих программных записок 1832 – начала 1833 г., поданных на рассмотрение Николая I (их датировка остаётся дискуссионной), которая называлась «О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного», Уваров вновь аргументировал мысль о том, что для успешного развития отечественной системы образования необходимо «соединять *выгоды просвещения европейского* с преимуществами народности»³². Таким образом, С. С. Уваров уже в статусе министра народного просвещения продолжил следовать тому курсу, который он избрал, будучи попечителем округа: перенимать, хотя и осторожно, европейские достижения, «быть русскими по духу, и европейцами по образованности»³³.

При этом стремление С. С. Уварова сочетать «европейское образование» с «русской системой»³⁴ не было проявлением «реакционности», как это иногда ошибочно представляется³⁵. На самом деле попытки

³¹ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 33; В переводе М. М. Шевченко эта мысль С. С. Уварова звучит несколько иначе: «...Люди, которые более или менее разделяли иллюзии императора Александра [I], вновь оказались при новом царствовании во главе дел. Ни время, ни опыт не смогли их исправить, и, как, впрочем, повсюду, они находились в зависимости от иллюзий 1802 и 1803 года, быть может, в них даже и не сомневаясь» (*Уваров С. С. Опыт автобиографии...* С. 308).

³² *Уваров С. С. Из записки «О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного» // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков. Учеб. пособие / сост. А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. М., 2011. С. 124.*

³³ *Уваров С. С. Циркулярное предложение попечителю Московского учебного округа // Уваров С. С. Государственные основы... С. 348.*

³⁴ *Уваров С. С. О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного // Уваров С. С. Государственные основы... С. 131–132.*

³⁵ *Холмогоров Е. С. Русификация русских. Граф Уваров и третий русский национализм // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 86–123.*

адаптировать европейские образовательные концепции к реалиям российского общественно-политического строя были обусловлены глубоким пониманием исторической ситуации в России, уровня её развития, степени образованности населения. Уваров, как представитель плеяды талантливых реформаторов начала царствования Александра I³⁶, имевший опыт успешных либеральных образовательных реформ в годы управления Санкт-Петербургским учебным округом, а также опыт неудач, понимал основные причины, препятствовавшие реализации реформаторских планов начала правления Александра I.

Одной из этих причин была ситуация, о которой ещё в годы существования «Негласного комитета» говорил М. М. Сперанский, – оторванность планов преобразователей от состояния дел в стране, утопичность их реформ в условиях тотальной безграмотности³⁷. В отношении реформ просвещения в 1800-е гг. эти замечания Сперанского представляются справедливыми, поскольку очевидно, что первые идеологи МНП – авторы учредительных документов 1803–1804 гг. – не имели отчетливого представления о положении дел в стране и не учли вероятность противодействия им разных групп во власти и в обществе³⁸. Во многом искусственно и идеалистически перенося на Россию европейскую систему просвещения, номенклатуру наук, модели организации преподавания, преобразователи не приняли во внимание тот факт, что на тот момент в России, в отличие от передовых европейских государств, был низкий уровень грамотности, а образование зачастую воспринималось только как способ продвижения по карьерной лестнице. Открытые «на пользу общую» учебные заведения (в особенности низшие) закрывались ввиду отсутствия учителей или учащихся. И если крестьянство отказывалось отдавать детей в учебные заведения по причине «невежества, взаимного несогласия и разных глупых предрассудков»³⁹, то дворянство, искавшее льгот и привилегий по службе

³⁶ Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 6–7.

³⁷ *Рождественский С. В.* Две записки М. М. Сперанского // *Рождественский С. В.* Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX веках. СПб., 1910. С. 372–374.

³⁸ Молодые приближённые Александра I – Н. Н. Новосильцев, В. П. Кочубей, П. А. Строганов на момент своего возвращения в страну по просьбе императора плохо знали Россию и не располагали должным опытом управления. Каждый из них до начала работы в Негласном комитете определённое время прожил за границей, знакомясь с европейским опытом государственного строительства и научными достижениями, которые они впоследствии идеалистически переносили на Россию. Недаром многие сановники времён Екатерины II характеризовали «молодых друзей» Александра I как людей, «набитых конституционным французским и польским духом», но «ни государства, ни дел гражданских основательно не знающих» (*Писарькова Л. Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX века: замыслы проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. С. 53).

³⁹ Как глава округа Уваров регулярно получал донесения от губернских дирекций училищ, где говорилось о родителях, не отпускавших своих детей в учебные заведения или забиравших их оттуда до окончания курса наук, об училищах, закрытых по причине от-

и не желавшее сидеть за одной партой с «чернью», попросту игнорировало гражданские учебные заведения. Людей, по-настоящему заинтересованных в получении качественного и основательного образования, было немного. В результате в 1820-х гг. стал очевиден кризис отечественной системы образования, вызванный не только недостатком национальных научных и преподавательских кадров, но и недалновидной политикой самих идеологов просвещения. Последние при формировании облика российского университета «стремились придать ему некоторые внешние черты европейских высших школ рубежа XVIII–XIX вв.», не уделяя должного внимания усвоению высшего образования в России «как национальной ценности»⁴⁰.

Закономерно, что С. С. Уваров, который на опыте управления Санкт-Петербургским учебным округом многократно сталкивался с трудностями распространения училищ, подобно М. М. Сперанскому, видел утопичность многих проектов в сфере просвещения начала царствования Александра I. В своей записке, поданной на рассмотрение министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну в «сентябре или октябре 1816 г.», С. С. Уваров отмечал, что «доныне министерство просвещения не могло согласиться с духом народа», в котором ещё были сильны «древние начала и древние нравы», когда люди смотрели на вещи сквозь призму религии и местные предрассудки. Для простого народа, утверждал С. С. Уваров, МНП «сохраняет... наружность, так сказать, чужеземную», из-за чего люди не только не доверяют школам и университетам в частности, но и скептически относятся к реформированной системе образования в целом, считая ее «чужой» и искусственно перенесённой из-за границы⁴¹.

Отмечая «недоверие» простого народа к недавно созданным учебным заведениям, С. С. Уваров считал, что реформы, в том числе в образовательной сфере, должны сочетаться с последовательной и продуманной просветительской политикой, направленной на укрепление низшей ступени образования – народных училищ. Это, по мнению С. С. Уварова, способствовало бы постепенному формированию граждан, осознающих свои права, ценящих свою историю, науку и культуру, а также способных эффективно воспользоваться дарованными им просвещением и свободой,

существования в них учеников. В отчетах говорилось о недоверии крестьян и городских низов к школьной системе. К примеру, директор училищ Архангельской губернии В. Л. Сильвестров 28 апреля 1811 г. докладывал Уварову, что в Холмогорах не смогли открыть два уездных училища по причине «невежества, взаимного несогласия и разных глупых предрассудков» со стороны крестьянства, которое отказывалось не только вносить суммы на содержание училищ, но и вообще открывать их в своих селениях, найдя их «излишними и отяготительными для себя расходами» (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 581. Л. 1–3).

⁴⁰ Андреев А. Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (часть 2) // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 113.

⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 97–99.

участвовать в управлении государством. То есть уже в 1810-е гг. С. С. Уваров рассматривал просвещение как необходимый инструмент модернизации России, а вся его последующая деятельность только укрепила его убежденность в верности избранной им позиции.

Приобретя практический опыт управления просвещением в годы службы в качестве попечителя, убедившись в утопичности либеральных реформ начала царствования Александра I, С. С. Уваров покинул в 1821 г. ведомство просвещения и провёл последующие «пять или шесть лет в путешествиях по стране», что, по его словам, смогло «доставить точное и глубокое знание» России, которого он прежде «никогда не смог бы достичь»⁴². Стремление Уварова всесторонне и глубоко изучить положение дел в России, продолжать научные изыскания по истории и филологии было связано с желанием учесть критику, сопровождавшую реформаторов начала царствования Александра I, которые, как утверждалось, были далеки от понимания мировоззрения простых обывателей и, в связи с этим, не сумели должным образом реализовать свои планы и проекты. Недаром В. Н. Каразин (1773–1842), известный государственный и общественный деятель эпохи царствования Александра I, инициатор учреждения Харьковского университета, 3 мая 1820 г. писал министру внутренних дел В. П. Кочубею, что прежде, чем начинать те или иные реформы, «должно бы хорошо узнать Россию»⁴³.

Аналогичную стратегию избрал и С. С. Уваров, который в 1820-е гг. совершил ряд поездок по территории России с целью изучения её внутреннего положения. Таким образом, на основании собственного опыта управления столичным учебным округом, а затем в ходе поездок по России Уваров сформировал убеждение в необходимости проводить политику, согласную с «народным духом» и потребностями разных сословий и территорий⁴⁴. Закономерно, что, став министром народного просвещения, в уже упомянутом докладе Николаю I «О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного» С. С. Уваров, во-первых, подверг критике прежнюю политику МНП за отсутствие «твердой» программы преобразований, которая учитывала бы национальные и культурные особенности России, в результате чего университеты, по мнению С. С. Уварова, «не принесли желаемой пользы и увядали везде, как растения иноземные, не пустившие корней и не обещающие плодов». Во-вторых, он настаивал, что «то только полезно и плодovitо, что соглас-

⁴² Уваров С. С. Опыт автобиографии... С. 305.

⁴³ СПбФ АРАН. Ф. 100. Оп. 1. Ед. хр. 197/23. Л. 41.

⁴⁴ В своей мемуарной работе, посвящённой императору Александру I, «Этюд об Александре», написанной в поздние годы, С. С. Уваров отмечал, что трагедия либерально настроенного императора состояла в том, что «он не понимал своей страны, не знал ни ее нужд, ни ее предрассудков, ни ее страстей» (Шевченко М. М. С. С. Уваров и М. М. Сперанский // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 193–195).

но с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом»⁴⁵. Развивая эту идею, С. С. Уваров в своей министерской политике активно продвигал мысль о «русском университете», который, как он считал, должен был стать неотъемлемой частью национальной системы образования⁴⁶.

С. С. Уваров в 1830-х гг. выступал не за отказ от следования европейским образовательным идеям, а за то, чтобы они были адаптированы в соответствии с условиями России. В докладах императору Николаю I С. С. Уваров последовательно подчёркивал, что «европейское просвещение» и «европейские идеи», без которых «мы не можем уже обойтись», следовало заимствовать, но осторожно, избегая пристрастия и слепого копирования, чтобы «не утратить все остатки народности», не достигнуть «мнимой цели европейского образования»⁴⁷. Стремясь к тому, чтобы «народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей и было не чуждо европейского духа», С. С. Уваров был уверен, что научный и культурный обмен между Россией и Европой представляет собой ключевой фактор успешного развития России, по крайней мере, с точки зрения повышения ее общего культурного уровня. «Мы, – заключал С. С. Уваров в своем докладе Николаю I, – обязаны вглядываться в то, что происходит вне пределов отечества, вглядываться не для слепого подражания или безрассудной зависти, но для исцеления собственных предрассудков и для знания лучшего»⁴⁸.

Таким образом, позиция С. С. Уварова – сторонника европейского образования на всех этапах его государственной карьеры представляется вполне последовательной и непротиворечивой. В научной литературе последних лет справедливо отмечается, что С. С. Уваров в период своей министерской деятельности также оставался сторонником европейского просвещения для России и методов «мягкой силы»⁴⁹. Следовательно, устоявшийся в историографической традиции образ С. С. Уварова: «в молодости – либерала..., затем [в царствование Николая I. – *И. П.*] – ярого реакционера»⁵⁰, то есть человека, из конъюнктурных соображений

⁴⁵ Уваров С. С. О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного // Уваров С. С. Государственные основы... С. 113, 119, 132.

⁴⁶ Андреев А. Ю. «Национальная модель» университетского образования... Ч. 2. С. 113–114.

⁴⁷ Уваров С. С. О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении министерством народного просвещения // Уваров С. С. Государственные основы... С. 103, 106.

⁴⁸ Уваров С. С. О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного // Уваров С. С. Государственные основы... С. 132.

⁴⁹ Ашихмин А. В. С. С. Уваров и «еврейский вопрос» в политике просвещения в начале XX в. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 2. С. 76–85.

⁵⁰ Исабаева Л. М. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова в 1810-е годы // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1990. № 6. С. 24.

менявшего свои взгляды, не выглядит корректным. Последовательное изучение практической деятельности С. С. Уварова на всём протяжении его государственной карьеры доказывает, что ключевые установки, которыми он руководствовался в своей деятельности, оставались неизменными.

Действительно, если С. С. Уваров, к примеру, критиковал домашнее образование, считая его несовершенным⁵¹, и ещё во время службы в качестве попечителя позиционировал себя сторонником государственного образования⁵², то той же стратегии он придерживался и в министерские годы. Не случайно, в своём докладе Николаю I «Обозрение управления Министерством народного просвещения. 1849 [год]», подводя итоги своей многолетней деятельности на должности министра, он назвал «уничтожение частного воспитания» и «переход образования молодого поколения в руки правительства» одним из своих основных достижений⁵³.

Если организовав в 1819 г. Санкт-Петербургский университет, Уваров осуществил разграничение академических и административно-хозяйственных функций университета, считая обременительным для профессоров контролировать вопросы, касавшиеся бюджета, хозяйственных проблем, регулярного попечения об уездных училищах и гимназиях⁵⁴, то ту же самую меру С. С. Уваров предпринял в статусе министра – уже на уровне всей отечественной системы просвещения. В своём отчете «Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843», представленном императору, С. С. Уваров, излагая итоги своей деятельности в течение десяти лет управления МНП, вновь указывал на «несообразность» возложения «административных и хозяйственных дел на лиц ученого сословия, по большей части чуждых обязанностей этого рода». В итоге, согласно «Положению об управлении учебными округами», принятому 25 июня 1835 г., руководство училищами и гимназиями было выведено из компетенции университетских корпораций и передано в прямое ведение попечителей учебных округов. Естественно, эту реформу, позволившую «учёному сословию» более эффективно заниматься научной и образовательной деятельностью, Уваров также рассматривал как свое личное достижение⁵⁵.

⁵¹ С. С. Уваров характеризовал домашнее образование как «несовершенное», «поверхностное» и «более блестящее по внешности, нежели основательное по глубине» (*Уваров С. С. Опыт автобиографии... С. 299–303*).

⁵² *Уваров С. С. О преподавании истории относительно к народному воспитанию // Уваров С. С. Государственные основы... С. 364, 374–375.*

⁵³ *Уваров С. С. Обозрение управления Министерством народного просвещения. 1849 [год] // Уваров С. С. Государственные основы... С. 109.*

⁵⁴ С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности... С. 1–6.

⁵⁵ *Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 // Уваров С. С. Государственные основы... С. 138.*

С первых лет службы по ведомству просвещения Уваров позиционировал себя как последовательный сторонник классического образования. Благодаря осуществлённой им в 1811 г. реформе гимназического образования Санкт-Петербургская губернская гимназия стала первой классической гимназией Российской империи⁵⁶. Вступив в управление МНП в 1833 г., С. С. Уваров продолжил курс на утверждение в России классического образования на всех уровнях: низшем, среднем и высшем. В упомянутом ранее отчёте «Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843» С. С. Уваров отмечал: «Основательное изучение древних классических языков утвердилось прочно не только в гимназиях, где юношество готовится к окончательному ученому образованию в университете, но введено во многие даже уездные училища»⁵⁷. Неслучайно многие современники, в том числе те, кто трудился в ведомстве просвещения в период министерства С. С. Уварова, считали, что утверждение в России классического образования является его главной заслугой как государственного деятеля. В частности, Г.А. Щербатов (1819–1861), в 1848–1850 гг. помощник попечителя Московского учебного округа, а впоследствии, в 1856–1858 гг., попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, в своих мемуарах писал: «Значение графа [С. С.] Уварова, по мнению весьма многих, выражается почти исключительно заслугами, оказанными им упрочению классического образования в наших преимущественно средних учебных заведениях». При этом сам Г. А. Щербатов полагал, что данная оценка «неверна» лишь потому, что «умаляет значение его деятельности»⁵⁸.

Наконец, если С. С. Уваров как попечитель Петербургского учебного округа был одним из первых в МНП, кто обратил внимание на необходимость связать ступени образования: низшую (училища) – среднюю (гимназии) – высшую (университеты) – при помощи взаимодополняющих программ⁵⁹, то, будучи министром, он сумел завершить формирование системы образования, обеспечив её иерархическую структуру и преемственность учебных заведений. О том, что обеспечение взаимосвязи между всеми уровнями образования будет одним из основных направлений его деятельности в должности министра, С. С. Уваров писал Николаю I в уже упомянутой программной записке 1832–1833 гг. «О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного». В ней С. С. Уваров, используя формулировки, которые уже фигурировали в его представлениях и докладах в бытность попечителем

⁵⁶ *Виттекер Ц. Х.* Граф Сергей Семенович Уваров... С. 78.

⁵⁷ *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 // Уваров С. С. Государственные основы... С. 152.

⁵⁸ *Маркевич Б. М.* Князь Григорий Щербатов о графе Уварове... С. 25.

⁵⁹ *Шмид Г. К.* История средних учебных заведений в России. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1878. С. 86–87.

Петербургского учебного округа⁶⁰, утверждал, что «положение университетов весьма легко объясняется положением средних и низших училищ; без приведения сих последних в надлежащее устройство мы никогда не будем иметь университетов». Обращая внимание на средние и низшие учебные заведения, которые, с точки зрения С. С. Уварова, ещё не достигли должного уровня организации, С.С. Уваров отмечал, что единственная цель гимназий – быть подготовительной школой для университетов, в то время как низшие училища должны были готовить слушателей гимназических курсов⁶¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что между двумя периодами государственной деятельности С. С. Уварова в сфере просвещения прослеживается идейная преемственность⁶². Будучи министром, С. С. Уваров в общих чертах придерживался тех же целей и методов образовательных реформ в России, какие им были намечены в 1810-е гг., когда он занимал должность попечителя Петербургского учебного округа. Следовательно, именно «ранний» период государственной деятельности С. С. Уварова, т. е. опыт управления Петербургским учебным округом, был определяющим для формирования его общественно-политических взглядов и набора методов администрирования, соответствовавшего образу «просвещенного бюрократа»⁶³.

Это выглядит вполне логичным, если учитывать тот факт, что С. С. Уваров вступил в должность попечителя в 1811 г., будучи уже сформировавшейся и хорошо образованной личностью, имея опыт дипломатической

⁶⁰ К примеру, в своей записке, поданной в ГПУ в 1817 г. в момент обсуждения проекта «второго разряда» ГПИ, Уваров, помимо прочего, заявлял: «Я смело скажу, без хороших народных училищ мы никогда не будем иметь хороших университетов и академий» (РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 25). Подобную мысль он повторил и в своём докладе министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну от 2 мая 1821 г.: «Без хороших народных училищ нет надежды иметь хороших университетов. Связь между заведениями сего рода простирается от самых начальных понятий до высшей степени образования» (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 99–100).

⁶¹ Уваров С. С. О средствах сделать народное воспитание специальным, не отступая от общих видов оного // Уваров С. С. Государственные основы... С. 114.

⁶² Примечательно, что в своём отчёте «Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843» Уваров обосновывал необходимость возрастного ценза для поступления в университет, который в итоге был установлен. Минимальный возраст для поступления в университет определялся в 16 лет (Уваров С. С. Десятилетие Министерства... // Уваров С. С. Государственные основы... С. 150). Между тем на необходимость установления возрастного ценза для поступления в университет С. С. Уваров указывал, ещё будучи попечителем. Так, согласно правилам приёма вольнослушателей, которые были разработаны им в 1819 г., в Санкт-Петербургский университет было запрещено принимать юношей моложе 17 лет (Санкт-Петербургский университет в первое столетие... С. 30). Это был первый в истории российских университетов опыт введения возрастного ценза для поступающих.

⁶³ Ружижская И. В. Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.) / Российская акад. наук, Ин-т российской истории. М.: Ин-т российской истории, 2009. С. 4–9.

службы и литературных занятий⁶⁴. Благодаря своим научным амбициям, широкому кругозору, а также культурным и общественно-политическим связям, С. С. Уваров уже в начале административной карьеры имел чёткое представление о направлении и сути образовательных реформ. Это подтверждается его многочисленными проектами того времени и их идейным содержанием, которое, как мы уже отметили, впоследствии оставалось неизменным, несмотря на те или иные жизненные и политические перипетии. Продолав личную идейную эволюцию, убедившись на практике в эффективности собственной программы преобразований и её концептуальных основ, С. С. Уваров в середине жизни и карьеры не мог радикально пересмотреть свои взгляды и отказаться от своих убеждений. Его реформаторская активность в период управления МНП основывалась на тех же идейных принципах, которыми он руководствовался, будучи попечителем Петербургского учебного округа: утверждение классического образования, придание главенствующей роли предметам гуманитарного цикла и языкам, укрепление иерархической взаимосвязи учебных заведений разного уровня, реализация идей народного просвещения и повышение значимости образования в общественном сознании.

Важным наблюдением П. И. Бартенева в публикуемом биографическом очерке является фраза о том, что «ошибочно было бы считать» С. С. Уварова «выскочкою из своего рода, подобно многим людям, заявившим себя в царствование Николая [I]»⁶⁵. Для характеристики неординарной личности С. С. Уварова, деятельность которого вызывала оживленные дискуссии среди современников и даже личную неприязнь многих, это высказывание является ключевым. Составляя биографию С. С. Уварова, Бартенев таким образом уже в 1864 г. стремился восстановить его репутацию, которая была несколько омрачена второй отставкой, затем слухами и возросшей активностью идейных противников С. С. Уварова в последние годы николаевского царствования, подвергших ревизии его реформаторское наследие. Во время великих реформ 1860–1870-х гг. репутация Уварова как консерватора, представителя «старого порядка» ещё более укрепилась. Это способствовало формированию в дореволюционной и советской историографии искажённого образа «Уварова-реакционера», «Уварова-карьериста» эпохи царствования Николая I⁶⁶, основанного на критических высказываниях современников о С. С. Уварове в бытность его министром народного просвещения⁶⁷.

⁶⁴ Плетнев П. А. Памяти графа Сергея Семёновича Уварова, президента Академии наук. СПб., 1855. С. 7–10.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 199.

⁶⁶ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: по подлинным делам Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Изд. 2-е. СПб.: изд. С. В. Бунина, 1909. С. 82.

⁶⁷ Наиболее известна резкая характеристика С.С. Уварова, данная С. М. Соловьёвым в его «Записках»: «Уваров был человек бесспорно с блестящими дарованиями, и по этим

Хотя в тексте «Биографии...» П. И. Бартенева нет подробного анализа ранней государственной, научной и общественно-политической деятельности С. С. Уварова, биограф, несомненно, имеет в виду, что государственная и общественная деятельность Уварова не началась в 1833 г., как и не закончилась в 1849 г. Ещё до назначения на должность министра народного просвещения в 1833 г. С. С. Уваров: 1) приобрёл обширный опыт дипломатической деятельности, в ходе которой служил при русском посольстве в Вене (1806–1808 гг.), участвовал в переговорах с Наполеоном в Тильзите в 1807 г. и установил контакты с виднейшими представителями научной и литературной жизни Европы; 2) проявил себя как учёный, публицист и литератор – автор более 20 научных и научно-публицистических статей по вопросам филологии, истории и философии⁶⁸, которые получили высокие оценки современников⁶⁹ и стали основанием для избрания С. С. Уварова в почетные члены почти ста отечественных и зарубежных научных обществ и академий⁷⁰; 3) обладал общественной и общественно-литературной известностью, будучи сначала участником «оленинского» кружка, а затем формальным основателем литературного кружка «Арзамас», в состав которого в разные годы входили В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Д. Н. Блудов, К. Н. Батюшков, А. С. Пушкин⁷¹; 4) зарекомендовал себя как целеустремлённый и одарённый государственный деятель – попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, чья реформаторская активность и программа заслужила доверие и внима-

дарованиям, по образованности и либеральному образу мыслей, вынесенным из общества Штейнов, Кочубеев и других знаменитостей александровского времени, был способен занимать место министра народного просвещения, президента Академии наук; но в этом человеке способности сердечные несколько не соответствовали умственным. Представляя из себя знатного барина, Уваров не имел в себе ничего истинно-аристократического; напротив, это был слуга, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина (Александра I-го), но оставшийся в сердце слугой; он не щадил никаких средств, никакой лести, чтобы угодить барину (императору Николаю [I]). <...> Люди порядочные, к нему близкие, одолженные им и любившие его, с горем признавались, что не было никакой низости, которой бы он не был в состоянии сделать, что он кругом замаран нечистыми поступками. При разговоре с этим человеком, разговоре очень часто блестяще умном, поражали, однако, крайнее самолюбие и тщеславие; только, бывало, и ждёшь – вот скажет, что при сотворении мира Бог советовался с ним насчёт плана...» (*Соловьёв С. М. Избранные труды. Записки / С. М. Соловьёв; подгот. А. А. Левандовский, Н. И. Цимбаев. Москва: Изд-во МГУ, 1983. С. 267–268*).

⁶⁸ Трофимова В. Б. Предисловие // Уваров С. С. Государственные основы... С. 5–6.

⁶⁹ Оценивая С. С. Уварова, как ученого, М. М. Сперанский в 1818 г. писал сенатору А. А. Стольпину: «Карамзин и Уваров у нас суть первые учёные люди из русских – первые не только по достоинству, но и по времени» (Письмо М. М. Сперанского к А. А. Стольпину // Русский архив. 1869. № 5. Стб. 919).

⁷⁰ Шевченко М. М. С. С. Уваров. Политический портрет... С. 28.

⁷¹ Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 10.

ние со стороны Николая I ещё в бытность последнего великим князем и главным инспектором Корпуса инженеров⁷².

Вероятно, именно эти факторы стали причиной того, что в 1832 г. на одном из балов Николай I лично и по собственной инициативе предложил С. С. Уварову занять должность министра народного просвещения, несмотря на то что последний, как уже указывалось, пережив болезненный опыт неудач на рубеже 1810–1820 гг., решил с этой сферой государственной жизни навсегда расстаться⁷³. Однако, приняв предложение Николая I, Уваров открыл перед собой новый, куда более значительный горизонт государственной деятельности, который позволил раскрыться его административным талантам в ещё более широком масштабе⁷⁴. При этом, даже выйдя в отставку в 1849 г. после ухудшения здоровья, С. С. Уваров продолжил научные изыскания, руководство Академией наук, а также литературную активность. В свои поздние годы С. С. Уваров написал такие важные с точки зрения исследования его общественно-политических взглядов работы мемуарного характера, как: «Осьмое января 1851 года» (1851 г.), «Литературные воспоминания» (1851 г.) и «Опыт автобиографии, посвящённый моему сыну» (1852 г.).

Что касается продолжения научной деятельности, то в 1850 г. С. С. Уваров опубликовал на французском языке научно-публицистическую статью под названием «Совершенствуется ли достоверность историческая?», которая спустя два года – 12 декабря 1852 г., была переведена на русский язык и издана академиком и ординарным профессором Дерптского университета М. П. Розбергом, по случаю 50-летнего юбилея университета⁷⁵.

⁷² В феврале 1821 г. Николай Павлович лично благодарил профессоров Санкт-Петербургского университета М. С. Чижова и М. Ф. Соловьёва за «ревностное и основательное» преподавание в стенах Инженерного училища (РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 383. Л. 86–88). Отметим, что с будущим императором Николаем I Уваров был знаком задолго до своего назначения на должность министра народного просвещения в 1833 г. Судя по всему, первая встреча Уварова и великого князя Николая Павловича состоялась в июне 1815 г., когда Уваров, получив аудиенцию у императрицы Марии Фёдоровны в Павловске, представлял В. А. Жуковского. После аудиенции, как следует из письма Жуковского А. П. Киреевской от 11 июня 1815 г., Уваров лично обратился к великому князю Николаю Павловичу, также присутствовавшему на аудиенции, с просьбой разрешить ему представить Жуковского (*Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах. Т. 15: Письма 1795–1817-х годов. М., 2019. С. 369). Впоследствии Уварову неоднократно представлялась возможность лично встретиться с великим князем Николаем Павловичем, о чём говорит записная книжка последнего. В частности, 12 ноября 1822 г. Николай Павлович, по собственным словам, «...много говорил с Уваровым-греком и Орловым» (Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825. М.: Политическая энциклопедия, 2013. С. 145). В указателе имён к этому изданию «Уваров-грек», то есть Уваров-антиковед, был логично ассоциирован с Сергеем Уваровым, в противоположность генералу Фёдору Уварову.

⁷³ *Уваров С. С.* Опыт автобиографии... С. 305–307.

⁷⁴ Как метко замечал П. И. Бартнев, именно С. С. Уваров придал «общую известность и славу» роду Уваровых (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 199).

⁷⁵ *Уваров С. С.* Государственные основы... С. 549.

Статья имела новаторский и полемический характер. В ней С. С. Уваров, оспаривая утверждения французского государственного деятеля и писателя А. Ф. Вильмена (1790–1870), стремился обосновать мысль о том, что по мере увеличения количества исторических источников и научной литературы снижается уровень исторической достоверности, поскольку историкам становится всё сложнее анализировать исторические события и ориентироваться в нескончаемом потоке информации⁷⁶.

После выхода в отставку, в 1853 г., С. С. Уваров публично защитил в Дерптском университете магистерскую диссертацию о происхождении болгар, а затем до последних дней жизни трудился над докторской диссертацией (на латинском языке) по древней истории⁷⁷, которая была опубликована лишь после его смерти⁷⁸. Все это не позволяет оценивать С. С. Уварова исключительно, как идеолога николаевского царствования – автора «теории официальной народности», ограничивая его многогранную научную, общественную и государственную деятельность периодом управления Министерством народного просвещения.

Хотя С. С. Уваров изначально не планировал связывать свою жизнь с просвещением, с годами он все более ясно видел, какую важность имеет эта сфера в жизни государства и народа. Будучи сторонником идей народного просвещения, он понимал, что надлежущая постановка образования и воспитания простого народа есть «важнейший вопрос из всех», что без неё вся система просвещения – «шаткое здание на песке»⁷⁹. В связи с этим кажется особенно важным утверждение П. И. Бартечева о том, что главная заслуга С. С. Уварова перед отечественным просвещением заключается в придании вопросам народного образования статуса одного из ключевых направлений государственной политики. В «Биографии...» П. И. Бартечев образно писал, что С. С. Уваров в царствование Николая I, – «царствование, преимущественно военное и отчасти неблагоприятное наукам», будучи министром народного просвещения, «благодетельно отвлекал правительство от деятельности исключительно внешней и полицейской, сумел придать вес вопросам о народном образовании и высоко поставил их в правительственной сфере, наполненной царедворцами и героями мундирной выправки»⁸⁰. Заметим, однако, что «придать вес вопросам о народном образовании» Уваров стремился и в годы службы в качестве попечителя в 1811–1821 гг.

⁷⁶ Уваров С. С. Совершенствуется ли достоверность историческая? // Уваров С. С. Государственные основы... С. 384–386.

⁷⁷ Гаврилов И. Б. Сергей Семенович Уваров. Жизнь. Труды. Мироззрение. // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии: научный журнал. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2017 – № 2 (4). 2019. С. 181.

⁷⁸ Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров... С. 7.

⁷⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 183. Л. 70–71.

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 198.

Таким образом, неоконченная «Биография гр. С. С. Уварова», созданная П. И. Бартеневым, представляет собой уникальный источник не только для изучения жизни и государственной деятельности С. С. Уварова, но также для понимания его общественной репутации в период «великих реформ». Несмотря на то что работа над «Биографией...» так и не была завершена и сохранившийся текст I главы «Биографии...» представляет собой главным образом введение, труд П. И. Бартенева имеет научную актуальность. Автор весьма подробно рассмотрел те аспекты биографии С. С. Уварова, которые до сих пор остаются малоизученными и в отношении которых в научной литературе до сих пор используются историографические штампы. В частности, П. И. Бартенев рассмотрел историю рода Уваровых, представил содержательные биографические справки о родителях С. С. Уварова – Семене Федоровиче Уварове и Дарье Ивановне Уваровой, урожденной Головиной. Некоторые сведения, касающиеся участия С. Ф. Уварова в русско-шведской войне 1788–1790 гг., его последующей гибели, а также его письма супруге с театра военных действий являются уникальными. Благодаря работе П. И. Бартенева и располагаемой им информации относительно: 1) датировки гибели С. Ф. Уварова на русско-шведской войне; 2) его возраста на момент смерти, а также 3) установления примерной даты рождения матери С. С. Уварова – Д. И. Головиной⁸¹, удалось скорректировать противоречивые сведения о датах жизни родителей С. С. Уварова – С. Ф. Уварова и Д. И. Головиной, которые до сих пор существенно расходились даже в научных работах⁸².

Подробно останавливаясь на описании «первоначальной обстановки», т. е. атмосферы, в которой родился и воспитывался С. С. Уваров в детские годы, П. И. Бартенев стремился показать, как обстоятельства начала его жизни (гибель отца, финансовые трудности семейства и т. д.), произошедшие в тот момент, «когда впервые просыпается сознание»⁸³, повлияли на складывание его характера, жизненных решений, на его последующую деятельность и формирование его общественно-политических взглядов. Очевидно, что П. И. Бартенев планировал продолжить работу над «Биографией...» (о чём говорят его собственноручные пометки на полях рукописи I главы), но каких-либо документальных объяснений того, почему эта работа была прервана на моменте рождения С. С. Уварова в 1786 г., обнаружить не удалось. Вероятно, недостаток материала, необходимого для составления исчерпывающей биографии С. С. Уварова, деятельность которого была столь обширной и разносторонней, не позволил

⁸¹ Как следует из текста «Биографии...» П. И. Бартенева, Д. И. Головиной на момент гибели С. Ф. Уварова на русско-шведской войне в 1788 г. было 27 лет (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 202).

⁸² *Гаврилов И. Б.* Сергей Семенович Уваров. Жизнь. Труды. Мирозозрение... С. 134, 137.

⁸³ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 202.

П. И. Бартеневу завершить эту работу. Так или иначе, и по сей день мы не имеем серьёзного научного жизнеописания С. С. Уварова, несмотря на то что за его составление брались еще историки середины XIX в., такие как П. А. Плетнев и М. П. Погодин⁸⁴.

«Биография гр. С. С. Уварова» (а именно сохранившийся набросок I главы) печатается по рукописи⁸⁵, которая представляет собой черновой автограф. Переплёт у рукописи отсутствует. Обложка выполнена на неплотном листе бумаги (размеры приближены к формату А3). Основной текст расположен на более плотных листах того же формата. На л. 201 и 201 об. имеются вклейки тетрадных пролинованных листов – л. 201а–г, содержащих выдержки из писем отца С. С. Уварова – С. Ф. Уварова к супруге, написанных с театра военных действий русско-шведской войны в июле-августе 1788 г. В публикации сохранены авторские подчеркивания, стиль и особенности написания подлинника. Часть примечаний сделана самим П. И. Бартеневым, что оговаривается в сносках.

Биография гр. С. С. Уварова

Глава I

Вступление. Происхождение. Отец и мать.

Первоначальная обстановка.

Граф С. С. Уваров был на Руси человеком необыкновенным. Чем ближе знакомишься с его деятельностью, тем больше удивляешься глубине и основательности его познаний, изяществу и верности его вкуса определительности и многоопытности в его воззрениях на общественные связи, неуклонной, до последних минут жизни не угасавшей любви к наукам, искусству и вообще к просвещению в наиболее широком смысле этого слова. Природа и обстоятельства наделили его всевозможными преимуществами достатка, знатности, ума, воображения, талантами и общежительностью. В царствование, преимущественно военное и отчасти неблагоприятное наукам, он благотельно отвлекал правительство от деятельности исключительно внешней и полицейской, сумел придать вес вопросам о народном образовании и высоко поставил их в правительственной сфере, наполненной царедворцами и героями мундирной выправки⁸⁶. Заслуги его отечеству огромны. Им направлялась умственная жизнь целого поколения, и если в современном гражданском обществе ещё уцелело несколько основательных мнений и не расшатанных идей, то этим мы обязаны по преимуществу министерской деятельности Уварова. Президент Академии [наук] и академик не по имени только,

⁸⁴ Плетнев П. А. Памяти графа Сергея Семёновича Уварова, президента Академии наук. СПб., 1855. 78 с.; Погодин М. П. Для биографии гр. С. С. Уварова // Русский архив. 1871. № 12. Стб. 2078; В последнее время также предпринимались попытки составить научную биографию С. С. Уварова (см.: Михеева Г. В. Сергей Семёнович Уваров. СПб.: Российская национальная библиотека, 2022. 250 с.).

⁸⁵ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 197а–204.

⁸⁶ Это был один из лучших людей, наследованных императором Николаем от предыдущего царствования. – *Примеч. П. И. Бартенева на полях рукописи.*

Биография г. С. С. Уварова

Глава I^a

Воспитание. Училище. Отец и мать. Перво-
начальная установка.

«Биография гр. С. С. Уварова», титульный лист. Автограф П. И. Бартенева
(РГАЛИ. Ф. 46 Оп. 1 Ед. хр. 7 Л. 197а)

но по истинному достоинству и по учёным, самостоятельным трудам, приятель лучших людей всего света, желанный собеседник мужей государственных, блистательный дипломат и в то же время трудолюбивый ученик эллиниста [Ф. Б.] Грефеⁱ, друг [В. А.] Жуковского и [К. Н.] Батюшковаⁱⁱ, Уваров является на историческом горизонте нашей недавней старины яркою и отрадною звездою, лучшим и наиболее зрелым плодом европейского просвещения на русской почве. Он обильно вкусил от благ европейской образованности и может быть назван *европейцем* по преимуществу. Кто-то верно заметил, что Александр Македонский был самым чистым эллином и наиболее успешным распространителем эллинства именно потому, что он не был греком, что в нём исчезли все угловатости племенных греческих особенностей, и греческий дух, как бы в новом сосуде, являлся со всею своею чистотою и силою. Это замечание, может быть, следует применить и к некоторым соотечественникам относительно усвоения ими и дальнейшего распространения европейских начал.

Но откуда же именно произошло это любопытное и достопамятное явление, и как могло статься, чтобы сын смоленского помещика занял кресло во Французской академии, вошёл в дружеские связи с [И. В.] Гёте и [братьями Александром и Вильгельмом фон] Гумбольдтамиⁱⁱⁱ? Обыкновенно в явлениях нравственного мира различаются две стороны: врождённая способность и внешняя образующая обстановка. Первая есть дар природы и не поддаётся ближайшему рассмотрению; вторая составляет предмет биографического изучения.

Постараемся показать, прежде всего, в какой среде возник и воспитался С. С. Уваров. Общую известность и славу Уваровскому имени придал он сам; однако ошибочно было бы считать его выскочкою из своего рода, подобно многим людям, заявившим себя в царствование Николая. Уваровы принадлежат к старинному дворянскому роду, выехавшему, как говорится в Родословцах, из Золотой Орды в начале XV века на службу великому князю Василию Дмитриевичу (Василию I. – *И. П.*)⁸⁷. Название их, кажется, происходит от личного имени Увар, которое есть ничто иное как греческое изменённое в народном произношении Уар⁸⁸. Многие Уваровы служили воеводами в разных городах. Какая-то Пелагея Уварова в XVII столетии была келарью, то есть домохозяйкою в кремлёвском Вознесенском монастыре. В старинных бумагах встречаются помещики-Уваровы в Новгородской, Московской и Тульской областях. Служилое их значение не прекращалось и в прошлом (XVIII. – *И. П.*) веке. Дед графа С. С. Уварова дослужился до генеральского чина и был убит в Семилетнюю войну⁸⁹. Из сыновей

⁸⁷ Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: [В 4-х ч.]. СПб.: тип. К. Вингебера, 1854-1857. Ч. 2: [Гл. 1-я (окончание): Фамилии российско-княжеские; Гл. 2-я: Фамилии российско-графские; Гл. 3-я: Фамилии российско-баронские]. 1855. С. 269–271. – *Примеч. П. И. Бартенева.*

⁸⁸ Церковь св. мученика Уара у Боровицких ворот Московского Кремля, ныне упразднённая, до новейших времён была известна тем, что туда приносили больных детей и молились св. Уару об их исцелении. Это поверие вероятно основалось на том, что младенец Дмитрий-царевич (по древнему обычаю) имел ещё и другое имя – Уара. – *Примеч. П. И. Бартенева.*

⁸⁹ Отец [С. С.] Уварова в письме к жене своей от 6 июля 1787 г. сообщает о смерти этого брата и сожалеет о вдове его. Об Александре Фёдоровиче см. род. книгу кн. [П. В.] Долгорукова. – *Примеч. П. И. Бартенева.*

его Александр Фёдорович служил генерал-поручиком при Екатерине [II]; и упоминается ещё другой Николай, умерший в 1787 г.

Отец графа [С. С.] Уварова Семен Федорович^{iv} умер, когда его сыну было всего два года, следовательно, не мог иметь на него личного прямого влияния. Тем не менее для нас любопытны родовые черты, которые, как известно, передаются иногда непосредственно в наследство детям. По всему видно, что Семен Федорович Уваров был человеком отважным, беззаботный, вспыльчивый и общежительный⁹⁰. Природа дала ему счастливую наружность, и, кажется, он дорожил этим преимуществом, по крайней мере, надо так думать, судя по сохранившимся портретам, на которых он изображён в затейливом наряде того времени, в бархате и кружевах. Пользуясь правом, в звании флигель-адъютанта императрицы, носить мундиры всех армейских полков, он имел их до двадцати и являлся в них попеременно. Это не мешало ему служить храбро: по свидетельству его сыны, он был весь изранен. Впрочем, о первоначальной его службе мы ничего не знаем; по всему вероятно, он участвовал в Турецких и польских походах того времени^v. Около 1784 г. этот белокурый храбрец обратил на себя особенное внимание Екатерины [II], и едва не попал на место умершего тогда [А. Д.] Ланского^{vi}. Женитьба спасла его от этого.

Мать гр. Уварова^{vii}, вспоминая о муже с улыбкою, говаривала, что, женившись на ней, он принёс чрезвычайную жертву. Однако за ним осталось почётное звание флигель-адъютанта при особе государыни, и он сделан был вице-полковником в лейб-гренадёрском полку, то есть полк был отдан в полное его ведение, ибо полковником считалась сама Екатерина [II]. Должность эта имела такое важное значение в глазах государыни, что по смерти [С. Ф.] Уварова, преемник ему был назначен не иначе, как после особенного совещания с президентом Военной коллегии кн. [Г. А.] Потёмкиным⁹¹, что, впрочем, объясняется и обыкновенною мудрою разборчивостью Екатерины [II] в раздаче мест. Молодой [С. Ф.] Уваров приблизился ко двору и подружился с тогдашним любимцем гр. А. М. Дмитриевым-Мамоновым^{viii}, через руки которого проходили все важнейшие дела и который был первым лицом в Петербурге, главным советником, законодателем мод, устройтелем увеселений. В сих последних Уваров принимал немалое участие, и ужины у Мамонова упоминаются в его записках к жене, писанных во время частых отлучек по должности. Вообще, надо полагать, что Семен Федорович вел рассеянную жизнь тогдашней гвардейской молодёжи, которая нашла себе стро-

⁹⁰ Несмотря на то, что заикался. «К приезду вашему приготовлю всяких плодов, дабы угостить дорогую мою заику», – писал [А. М. Дмитриев-]Мамонов [С. Ф.] Уварову. В списках [Ю. А.] Неледицкого[-Мелецкого] на свадьбу [С. Ф.] Уварова: «Хоть Семён и заикнётся, / Жене Дарьё допоётся». – *Примеч. П. И. Бартенева.*

⁹¹ «Приехал курьер от князя Г. А. Потемкина-Таврического с ответом, кого избрать в вице-полковники лейб-гренадёрского полка? – Тут Светлейший (Г. А. Потемкин. – *II.*) мараёт покойного Уварова, говоря, что “с тех пор, как перестал он меня бояться, то многое вышло по полку упущение; осталась одна наружность и только хорошо поют гренадеры”. – Надобно полк поправить, и для того рекомендует генерал-майора Бергманна, бывшего в Тобольском полку. – Гр. А. М. Дмитриев-Мамонов не весело прочел сие письмо и со мною же возвратил...» (*Храповицкий А. В.* Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. Москва: Унив. тип., 1862. С. 111). – *Примеч. П. И. Бартенева.*

гого ценителя и довольно точного описателя в патриархальном сельском жителе А. Т. Болотове^{92ix}.

Но вот над этим городом, утопавшем в роскоши, над этими разодетыми и раздушенными весельчаками, стряслась беда: в июне 1788 г., нежданно-негаданно, шведы подступили почти к самому Петербургу, и гвардии сказан поход. С. Ф. Уваров со своим полком отправился в Финляндию, оставив жену беременную с двумя малютками, сыном Сергеем (нашим графом, которому тогда не исполнилось ещё двух лет) и дочерью Екатериной. Это был последний поход Уварова. Нежно любя жену, он писал к ней очень часто; и эти письма сохранились. Одно из них мы помещаем в приложениях (А), а из других приведем несколько выдержек.

“7 июля 1788 г. Выборг. Сергею маленького шведа привезу”. Через день: “Сергей, ты пишешь, кричит ура, это, может быть, он прорекает скорое наше свидание”. Вот не совсем понятные, но любопытные строки: “11 июля 1788 г. Выборг. Теперь, мой друг, я тебе скажу некоторую отраду. Я вчера с великим князем (Г. А. Потемкиным. – *И. П.*) примирился. Он мне велел приехать к себе после обеда, и, взяв меня один на один, клялся, что он всё прошедшее забывает и хочет найти во мне дружбу; это время было великого нашего изъяснения. Меня тронуло такое чистосердечие. Я заплакал, и он последовал мне тоже. И теперь у меня был в лагере, и очень мило обняв. Но долго ли то будет? В рассуждении его желаний до службы, я сделал перемену, и он был доволен, и божился, что он в теперешнем случае на меня на одного вполне надеется. Теперь, кажется, всё хорошо, только меня очень страшит, что я от тебя не получил писем”. “16 июля 1788 г. Выборг. Не жалуй римлянам (так в оригинале. – *И. П.*); поверь, что не от бодрости духа говорят, но от того, что им всё равно, есть ли муж или нет: они не могут даже чувства иметь, которые зарождаются в благородном сердце”. “21 августа 1788 г. Фридрихсгам. Я не хочу от тебя ничего утаивать в наших движениях. Вчера великий князь изволил ездить рекогносцировать неприятельский лагерь, в котором король^x стоял, и я его с двумя батальонами своего полка прикрывал, где ничего важного не произошло, только тревожили неприятеля, и он по нам более двух часов стрелял из пушек, и ни одного убитых и раненых нет, я оному был свидетель из дела. И потом вернулись в свой лагерь, только там ни короля и ни брата его^{xi} уже не нашли: они оба уехали и с частью большого войска в Ловизу^{xii}, и потому судя, то и остальные скоро уберутся”.

Но война, сверх ожидания петербургских жителей и самой Екатерины [II], не подвигалась к концу. Может быть, в одну из упомянутых рекогносцировок наш вице-полковник заболел и, как видно, не придавал важности своей болезни. В письме из Фридрихсгама от 31 августа 1788 г. он говорил как бы мимоходом, что у него болит грудь, но распространяется о скоро своем приезде, делает распоряжения о достройке дома и пр. Между тем письмо это было последнее. Через день или два он внезапно кончился, 34 или 35 лет от роду, не дождавшись сына, которого вслед за тем родила ему жена⁹³. Вероятно, быстрая перемена столичной жизни на трудовую

⁹² *Болотов А. Т. Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты государя-императора Павла I // Русский архив. 1864. № 1. Стб. 54–78; То же. 1864. № 2. Стб. 201–227; То же. 1864. № 3. Стб. 295–318. – Примеч. П. И. Бартенева.*

⁹³ Место, где погребен С. Ф. Уваров, и самый день кончины неизвестны. Знаем только, что младший сын его, Федор, родившийся 3 сентября 1788 г., был послерожденным;

походную, в сыром климате, разрушительно подействовала на его здоровье: кончина горестная для воина, отличавшегося в сражениях, и погрузившая в неисходное горе его 27-летнюю вдову, от которой вероятно скрыли на время весь ужас ее положения. Оправившись, она написала к гр. Мамонову следующее письмо, сохранившееся в черновике и изображающее, в какой горестной обстановке очутился граф [С. С.] Уваров на третьем году своего возраста, в минуты, когда впервые просыпается сознание.

“Нашла я вчера в бумагах покойного мужа моего Семена Федоровича письмо ваше, в котором вы его уверяете в вашей дружбе, также и в желаниях быть ему надобным, то сие меня побуждает прибегнуть к вам и препоручить в ваше покровительство трех моих несчастных сирот. Протектора ни у меня, ни у них нет. Не откажитесь быть их милостивцем. Моя надежда вся на вас. У них всего имения остался недостроенный дом, который заложен в ломбард: срок приходит, выкупить мне его нечем, на том, что и мое имение заложено в банк. Для памяти отца их, который вам был предан искренно, вступите в их несчастное состояние. Я для себя ничего не прошу, да оставших[ся] сирот помилуйте. Доказательство, сколько я надеюсь на ваши хорошие расположения, это то, что я вам поручаю одно утешение, которое у меня осталось, моих несчастных детей. Будьте их милостивец и второй отец. Я надеждой на ваше к ним неоставление жива. Извините, милостивый государь, смелость, которую я беру, беспокоить вас моею просьбою, да вообразите моё положение, и судите меня так, как совершенно несчастную, для которого всё кончилось. Спасите детей и будьте уверены в благодарности моей. Дарья Уварова”⁹⁴.

Дарья Ивановна Уварова была женщина замечательная. Если от отца перешла к гр. [С. С.] Уварову наружная красота, подвижность чувств и людскость, то матери своей он обязан не только отличными природными качествами, но и всем своим воспитанием. Молодая вдова Уварова всю жизнь осталась верна памяти мужа и отвергала блистательные предложения⁹⁵. Она была из рода Головиных. Об отце её, Иване Сергеевиче^{xiii}, нам ничего неизвестно. Мать её, княжна Екатерина Алексеевна Голицына^{xiv}, была родной сестрой того кн. Дмитрия Алексеевича^{xv}, который почти весь век своей провел в посольствах (преимущественно в Га[а]ге), был страстный любитель наук, собирал в доме своем философов и известен сам

стало быть, отец скончался 1 или 2 сентября, так как от 31 августа сохранилось письмо его. Один старый слуга в Поречье (семейное имение Уваровых. – *И. П.*) говорил мне, что отец гр. [С. С.] Уварова умер около Ладоги под Петербургом, и что ему чего-то подсыпали не любившие будто его за строгость офицеры. Напротив, в одном из писем к жене С. Ф. Уваров радуется, что хорошо накормлены солдаты, и что его любят офицеры и нижние чины. Выражение (в автобиографии [С. С. Уварова]) «внезапно» заставило нас привести слух, сообщенный пореченским слугой, уроженцем села Холма, что С. Ф. [Уваров] любил токарное ремесло и что в Холму сохранились вещи, вырезанные им из кости. – *Примеч. П. И. Бартенева.*

⁹⁴ Из слов А. В. Храповицкого, приведённых нами выше, видно, что [А. М. Дмитриев-]Мамонов искренне жалел о своем приятеле (С. Ф. Уварове. – *И. П.*); он помог его вдове, о чем будет рассказано в своем месте. Главную защитой, настоящим провидением сирот была их мать. – *Примеч. П. И. Бартенева.*

⁹⁵ По словам старого пореченского слуги, за нее, между прочим, сватался какой-то граф Апраксин. – *Примеч. П. И. Бартенева.*

некоторым сочинениями о минералогии на французском языке⁹⁶, своим браком со знаменитою иллиюминаткою Амалиею фон Шметтау^{xvi}, и сыновьями, проповедовавшими потом католичество в лесах и пустынях Америки^{xvii}. В ранней молодости Д. И. Уварова путешествовала по Европе и в парижской гостиниой своего дяди^{xviii} (бывшего там посланником при Версальском дворе) заслушалась умных речей и привыкла уважать науку, и приобрела любовь к словесности, и все это впоследствии передала сыну (С. С. Уварову. – *И. П.*). Сей последний рассказывал в своей автобиографии^{xix}, что у них в доме жила старая служанка, ездившая с Голицыными в их заграничные путешествия, и с негодованием передававшая, какую вольность позволял себе при господах господин Дидерот^{xx}: разгорячившись от долгой и одушевленной речи, он преспокойно, в чужом доме и при гостях, снимал парик свой. Так и вспоминаются стихи [А. С.] Пушкина

“Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал...”^{xxi}.

Другой дядя Дарья Ивановны, кн. Петр Алексеевич Голицын^{xxii}, служил в Петербурге обер-полицмейстером. Такое родство сближало Головиных, которые и сами были люди не без достатка, с высшим петербургским обществом. Сближение сделалось ещё теснее, с тех пор как старшая дочь их (родная тетка гр. [С. С.] Уварова), Наталья Ивановна^{xxiii}, вышла замуж за кн. Алексея Борисовича Куракина^{xxiv}, который по отцу приходился внуком графам Никите и Петру Ивановичам Паниным^{xxv}, очень сильным в то время лицам, и воспитывался под их могущественною опекою. Другой внук Паниных, известный наш поэт Ю. А. Неледицкий-Мелецкий^{xxvi}, с ранних лет прославившийся приятными и преимущественно посвященными прекрасному полу стихотворениями, был как свой в доме Головиных и подружился с Дарьей Ивановной. Сохранилось несколько французских его писем к ней. Они относятся в 1781–1784 гт., когда Неледицкий зачем-то уезжал из Петербурга в Москву, Малороссию и Литву. Это – веселая и дружеская болтовня, перемешанная французскими и русскими стихами и довольно живо изображающая отношения молодых людей тогдашнего высшего круга⁹⁷. Дарья Ивановна посылает ему, между прочим, литературную новость – “Душеньку”^{xxvii} [И. Ф.] Богдановича⁹⁸. Неледицкий же воспел и брак ее [на С. Ф. Уварове] в стихах, помеченных в рукописи [от] 21 августа 1784 г.:

“Схватила, мать моя, себе ты молодца!
Да как подкралася! И он, знать вот детина,
За славного его я признаю ловца.
Он Дарью поймал! Ведь экой молодчина!”.

⁹⁶ См. о нем в нашей биографии гр. А. И. Моркова (*Бартенев П. И.* Биография графа Аркадия Ивановича Моркова. Москва: тип. Александра Семена, 1857. 77 с.). – *Примеч. П. И. Бартенева.*

⁹⁷ Он (Ю. А. Неледицкий-Мелецкий. – *И. П.*) называет [Д. И.] Уварову: «милая матынька, умница-святушка». – *Примеч. П. И. Бартенева.*

⁹⁸ Будучи другом Неледицкого, Дарья Ивановна впоследствии естественно должна быть воспитывать сына (С.С. Уварова. – *И. П.*) в уважении к литературным занятиям. – *Примеч. П. И. Бартенева.*

В другом стихотворении:

“Дарья идет за Семена,
За их здоровье выпьем тост,
До сих пор была препона [–]
Свадьбе их Успенский пост;
А теперь как миновался,
Чай, Семен уж обвенчался.
Выпьем, братцы, за него:
Он, бывало, с нами тянет,
А теперь уже пить не станет,
Жаль мне, истинно, его⁹⁹”.

Выйдя замуж за командира гренадерского полка и адъютанта государыни, хотя и небогатого человека, было, как тогда говорили, партией, столь же блистательно, как и та, которую сделала старшая сестра, тем более что в данном случае брак со стороны жениха составлял подвиг нравственный, о чем мы упомянули выше. Семейное счастье было наградою за презрение мужа к более высоким чинам и богатству.

Справедливо заключают, что выдающиеся из массы люди по большей части рождаются от добрых матерей и бывают плодом горячей взаимной любви супругов. С. С. Уваров – первый ребенок Семена Федоровича и Дарьи Ивановны, с которым мы познакомили читателей, родился 25 августа 1786 г.¹⁰⁰.

ⁱ Грefe Федор Богданович (1780–1851) – филолог-классик, автор сочинений по сравнительной грамматике греческого, латинского и славянских языков, в 1811–1850 гг. – профессор греческой и латинской словесности в Санкт-Петербургском университете, куда был определён при содействии С. С. Уварова. Примерно с 1811 г. и до конца своей жизни Уваров, как следует из его мемуаров, брал частные уроки у Ф. Б. Грefe для совершенствования в латинской и греческой грамматике (*Уваров С. С. Опыт автобиографии...* С. 303).

ⁱⁱ В 1815 г. С. С. Уваров выступил инициатором создания общественно-литературного кружка «Арзамас», членами которого стали В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Д. Н. Блудов, Ф.Ф. Вигель и др. (*Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с.*)

ⁱⁱⁱ Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) – немецкий филолог, философ, дипломат; один из основоположников лингвистики как науки; инициатор открытия Берлинского университета в 1809 г.; Александр фон Гумбольдт (1769–1859) – немецкий географ, натуралист и путешественник, один из основателей географии как самостоятельной науки; член Берлинской (1800), Прусской и Баварской академий наук. Почётный член Петербургской академии наук (1818).

⁹⁹ См. Нелединский-Мелецкий Ю. А. Сочинения Нелединского-Мелецкого. СПб.: Александр Смирдин; в Тип. А. Дмитриева, 1850. С. 111–115. Но мной приведённые отрывки взяты из сохранившейся рукописи. – *Примеч. П. И. Бартенева.*

¹⁰⁰ В формулярном его списке ошибочно показан 1787 г. Наше показание основано на сообщении писем его отца к матери. – *Примеч. П. И. Бартенева.*

^{iv} Уваров Семен Федорович (1743(?)–1788) – флигель-адъютант Екатерины II, вице-полковник лейб-гренадерского полка; погиб в разгар русско-шведской войны 1788–1790 гг. Годы жизни С. Ф. Уварова, как и возраст, в котором он погиб на русской шведской войне, до сих пор остаются дискуссионными. В материалах к «Биографии С. С. Уварова» П. И. Бартевев, ссылаясь на «немецкую краткую автобиографию» С. С. Уварова, написанную «не раньше 1816 г. и назначавшуюся очевидно для какого-нибудь биографического словаря», указывал, что отец С. С. Уварова погиб на русско-шведской войне 1788–1790 гг. в возрасте от 36 до 37 лет (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2). В то же время в тексте первой главы «Биографии С. С. Уварова» П. И. Бартевев писал, что С. Ф. Уварову на момент гибели на русско-шведской войне было «34–35 лет от роду» (РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 202). На тот же возраст – 34–35 лет – указывал в своих воспоминаниях и С. С. Уваров (*Уваров С. С. Опыт автобиографии...* С. 298). В свою очередь, часто фигурирующая в литературе дата рождения С. Ф. Уварова – 1743 г., не сопровождаемая никакими ссылками на источник, не выглядит точной.

^v Имеется в виду русско-турецкая война 1768–1774 гг. и события, сопровождавшие первый раздел Речи Посполитой в 1772 г.

^{vi} Ланской Александр Дмитриевич (1758–1784) – генерал-поручик, генерал-адъютант, действительный камергер, кавалер орденов Св. Александра Невского, Белого орла, Св. Станислава, Св. Анны и Полярной звезды; фаворит Екатерины II.

^{vii} Головина Дарья Ивановна (ок. 1761 – ?) – дочь генерал-интенданта Ивана Гавриловича Головина (?–?) и княжны Екатерины Алексеевны Голицыной (1735–1802); в 1784–1785 гг. вышла замуж за С. Ф. Уварова; мать С. С. Уварова, его брата Ф. С. Уварова (1788–1845) и сестры Е. С. Уваровой (1787 – умерла во младенчестве, как следует из автобиографии С. С. Уварова) (*Уваров С. С. Опыт автобиографии...* С. 299). Годы жизни Д. И. Головиной до сих пор не установлены точно. Известно, что Д. И. Головина была старше Н. И. Головиной, родившейся в 1766 г. То есть Д. И. Головина родилась до 1766 г. П. И. Бартевев в своей «Биографии С. С. Уварова» указывал, что на момент гибели С. Ф. Уварова на русско-шведской войне в 1788 г. Д. И. Головиной было 27 лет. Это означает, что год её рождения – 1761. Что касается даты смерти Д. И. Головиной, то об этом найти какую-либо информацию пока не удалось. Следовательно, фигурирующие в информационном пространстве даты жизни Д. И. Головиной: 1) 1765–1821 гг. и 2) 1761–1830 гг., не сопровождаемые никакими ссылками на источник, также не выглядят точными.

^{viii} Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич (1758–1803) – генерал-адъютант, генерал-поручик, с 1788 г. граф, один из фаворитов Екатерины II.

^{ix} Болотов Андрей Тимофеевич (1738–1833) – писатель, мемуарист, философ-моралист, учёный, ботаник и лесовод, один из основателей агрономии и помологии в России.

^x Имеется в виду Густав III (1746–1792) – король Швеции в 1771–1792 гг.

^{xi} Имеется в виду Карл XIII (1748–1818) – король Швеции в 1809–1818 гг., младший брат короля Густава III.

^{xii} Ловийса (фин. Loviisa, швед. Lovisa) – город в Финляндии, на побережье Финского залива в 87 км восточнее Хельсинки.

^{xiii} Головин Иван Сергеевич (?–?) – надворный советник; женился на Екатерине Алексеевне Голицыной в 1757 г.

^{xiv} Голицына Екатерина Алексеевна (1735–1802) – княжна; с 1757 г. замужем за И. С. Головиным.

^{xv} Голицын Дмитрий Алексеевич (1734–1803) – дипломат, тайный советник (1779), действительный камергер, посол, химик, минералог, вулканолог.

^{xvi} Княгиня Адельгейда Амалия Голицына (также известная как Амалия Самуиловна Голицына) (1748–1806) – фрейлина прусского двора, писательница, светская львица; дочь прусского фельдмаршала графа Самуэля фон Шметтау (1684–1751) и мать князя Деметриуса Августина Голицына (1770–1840); с 1768 г. замужем за князем Дмитрием Алексеевичем Голицыным (1734–1803) – дипломатом, послом во Франции и Нидерландах, тайным

советником, действительным камергером, ученым. В 1784 г. Амалия фон Шметтау (Голицына) перешла в католичество и открыла религиозно-мистический салон *Kreise von Münster* («Круги Мюнстера»), оказавший влияние на интеллектуальную и религиозную жизнь Германии в конце XVIII в.

^{xvii} Одним из сыновей Дмитрия Алексеевича Голицына был Дмитрий (Августин) Дмитриевич Голицын (1770–1840) – католический священник, миссионер в Сев. Америке.

^{xviii} Имеется в виду Голицын Дмитрий Алексеевич (1734–1803).

^{xix} См.: Уваров С. С. Опыт автобиографии... С. 299.

^{xx} Имеется в виду Дени Дидро (1713–1784) – французский писатель, философ-просветитель и драматург. В первой четверти XIX в. было распространено написание его имени на французский манер – «Дидерот» (фр. Diderot) (*Гиллельсон М. И.* От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л.: Наука. 1977. С. 110).

^{xxi} *Пушкин А. С.* К вельможе // *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 17 т. Т. 3. Кн. 1. Стихотворения 1826–1836. Сказки. М.: Воскресенье, 1995. С. 218.

^{xxii} Голицын Пётр Алексеевич Голицын, кн. (1731–1810) – обер-егермейстер, сенатор; участник русско-турецкой войны 1768–1774 гг.; старший брат Дмитрия Алексеевича Голицына.

^{xxiii} Головина Наталья Ивановна (1766–1831) – супруга генерал-прокурора Алексея Борисовича Куракина, статс-дама (1826), композитор и музыкант.

^{xxiv} Куракин Алексей Борисович (1759–1829) – в 1807–1811 г. министр внутренних дел Российской империи; младший брат Александра Борисовича Куракина (1752–1818) – князя, дипломата, главы русского посольства в Париже в 1808–1812 гг., участника переговоров в Тильзите в 1807 г. В 1783 г. Алексей Борисович Куракин женился на Н. И. Головиной – старшей сестре Д. И. Головиной – матери С. С. Уварова. Впоследствии (после гибели С. Ф. Уварова на русско-шведской войне 1788–1790 гг.) именно в доме Алексея Борисовича Куракина С. С. Уваров получил первоначальное образование под руководством аббата Мангена. По мнению исследователей (совпадающему с оценкой самого П. И. Бартенева), именно с протекцией влиятельных князей Куракиных связан быстрый взлёт карьеры С. С. Уварова на дипломатическом поприще в 1800-х гг.: уже в 1806 г. С. С. Уваров был причислен к российскому посольству в Париже и стал участником делегации, участвовавшей в двусторонних переговорах с Наполеоном в Тильзите в 1807 г. (*Майофис М. Л., Велижнев М. Б.* С. С. Уваров // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. С – Ч / Гл. ред. Б. Ф. Егоров. М. / СПб.: Большая российская энциклопедия / Нестор-История, 2019. Т. 6. С. 364).

^{xxv} Панин Никита Иванович (1718–1783) – граф, дипломат, наставник императора Павла I, глава русской внешней политики в первой половине правления Екатерины II. Автор плана «Северного Аккорда» и одного из первых в России конституционных проектов; Панин Пётр Иванович (1721–1789) – граф, генерал-аншеф и сенатор, младший брат Н. И. Панина, участник Семилетней войны 1756–1763 гг., русско-турецкой войны 1768–1774 гг., руководил подавлением Пугачёвского восстания (1773–1775 гг.) и пленением самого Е. И. Пугачёва.

^{xxvi} Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1751–1828) – поэт; тайный советник, сенатор, наиболее известный своими дружескими стихотворными посланиями и поэмами «на случай» (на кончину, на свадьбу, на придворные празднества).

^{xxvii} «Душенька» – «ириокмическая поэма» И. Ф. Богдановича, изданная в 1783 г.

РЕЗЮМЕ

Публикация и научный комментарий малоизвестной работы П. И. Бартенева – «Биография графа С. С. Уварова», которая хранится в фонде П. И. Бартенева в РГАЛИ (ф. 46) и является первым опытом научного жизнеописания выдающегося администратора просвещения XIX в. С. С. Уварова. Данный труд, который П. И. Бартнев писал в 1864 г. по предложению

нию сына С. С. Уварова – А. С. Уварова, до сих пор оставался вне поля зрения историков и впервые вводится в научный оборот. Несмотря на то что он носит незавершённый характер и обрывается на моменте рождения С. С. Уварова в 1786 г., труд П. И. Бартенева представляет собой уникальный источник: автором представлены ценные сведения о происхождении рода Уваровых, биографиях родителей С. С. Уварова – Сергея Федоровича и Дарьи Ивановны (урожд. Головиной), предложены интересные наблюдения относительно деятельности С. С. Уварова: ее идейных начал и значения в истории становления отечественной системы образования. С точки зрения П. И. Бартенева, именно «распространение европейских начал» было лейтмотивом государственной и общественно-научной деятельности С. С. Уварова на всех этапах его политической и научной карьеры, и в связи с этим он может быть назван «европейцем по преимуществу». Отдельного внимания заслуживает обширный комплекс материалов, собранный П. И. Бартеневым в ходе работы над биографией С. С. Уварова. Среди документов – его стихи 1806–1808 гг., отрывки из записной книжки (на французском языке), уникальное письмо его отца Сергея Федоровича жене – Дарье Ивановне (урожд. Головиной) от 3 июля 1788 г. из Выборга, незадолго до гибели С. Ф. Уварова на русско-шведской войне 1788–1790 гг., также письма С. С. Уварова матери 1809 г. и т.д. Многие из документов, использованных П. И. Бартеневым при подготовке «Биографии...», оставались ещё неразобранными после кончины С. С. Уварова и поэтому имеют особую ценность. Труд П. И. Бартенева, а также материалы, собранные в процессе работы над ним, представляют значительный интерес для исследователей, изучающих историю образования, а также государственную и научную деятельность С. С. Уварова.

SUMMARY

The publication and academic commentary on P. I. Bartenev's previously unknown work, "Biography of Count S. S. Uvarov", which is housed in the P. I. Bartenev Archive at the Russian State Archive of Literature and Art (fond 46), represents the first attempt at a scholarly biography of the prominent 19th-century enlightened administrator S. S. Uvarov. This work, written by P. I. Bartenev in 1864 at the behest of A. S. Uvarov (the son of S. S. Uvarov), has until now remained unknown to historians and is now being introduced into scholarly discourse for the first time. Despite the fact that the work of P. I. Bartenev is incomplete and ends with the birth of S. S. Uvarov in 1786, it is a unique source. The author provides valuable information about the origins of the Uvarov family and the biographies of the parents of S. S. Uvarov, Sergei Fedorovich and Daria Ivanovna (née Golovina). The work also offers interesting observations on the activities and ideological principles of S. S., as well as its significance in the formation of the national education system.

From the perspective of P. I. Bartenev, the “promotion of European principles” was the central theme of S. S. Uvarov’s government and socio-political activities throughout his political and academic career, and in this respect, he can be described as “European par excellence”. A comprehensive collection of materials gathered by P. I. Bartenev while researching S. S. Uvarov merits special attention. These include his poems from 1806–1808, extracts from a notebook (written in French), and a unique letter from his father, Sergei Fedorovich, to his wife Daria Ivanovna (née Golovina), dated July 3, 1788, from Vyborg, shortly prior to the death of S. F. Uvarov during the Russo-Swedish War of 1788–1790, as well as letters from S. S. to his mother in 1809, among other documents. Many of these documents, which were utilized by P. I. Bartenev in preparing the “Biography...”, remained unpublished after the death of S.S., and therefore possess special significance. The work of Bartenev, as well as the materials gathered during the course of his research, is of significant interest to scholars studying the history of education and the state and academic endeavors of S. S. Uvarov.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

П. И. Бартенеv, С. С. Уваров, историческая биография, история образования в XIX в., европейское просвещение в России, публикация архивов.

KEYWORDS

P. I. Bartenev, S. S. Uvarov, historical biography, history of education in the 19th century, European enlightenment in Russia, publication of archives.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Андреев А. Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (часть 2) // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 110–119 [*Andreev A. Yu.* «Nacional'naya model'» universitetskogo obrazovaniya: vzniknovenie i razvitie (chast' 2) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2005. № 2. S. 110–119].

Ашихмин А. В. С. С. Уваров и «еврейский вопрос» в политике просвещения в начале XX в. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 2. С. 76–85 [*Ashihmin A. V.* S. S. Uvarov i «evrejskij vopros» v politike prosveshcheniya v nachale XX v. // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. T. 47. № 2. S. 76–85].

Бартенеv П. С. П. И. Бартенеv: [Некролог] // Русский архив. 1912. № 12. С. 571–572 [*Bartenev P. S.* P. I. Bartenev: [Nekrolog] // Russkij arhiv. 1912. № 12. S. 571–572].

Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: академический проспект, 1999. 350 с. [*Vitteker C. H.* Graf Sergej Semenovich Uvarov i ego vremya. SPb.: Akademicheskij prospekt, 1999. 350 s.].

Гаврилов И. Б. Сергей Семенович Уваров. Жизнь. Труды. Мировоззрение. // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии: научный журнал. СПб.: Изд-во СПбПДА, 2017 – № 2 (4). 2019. С. 131–191 [*Gavrilov I. B. Sergej Semenovich Uvarov. Zhizn'. Trudy. Mirovozzrenie. // Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoj duhovnoj akademii: nauchnyj zhurnal. SPb.: Izd-vo SPbPDA, 2017 – № 2 (4). 2019. S. 131–191*].

Гиллельсон М. И. От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л.: Наука. 1977. 200 с. [*Gillel'son M. I. Ot arzamasskogo bratstva k pushkinskomu krugu pisatelej. L.: Nauka. 1977. 200 s.*].

Гордин А. М. П. И. Бартенева – биограф Пушкина // *Бартенев П. И.* О Пушкине. Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М., 1992. 464 с. [*Gordin A. M. P. I. Bartenev – biograf Pushkina // Bartenev P. I. O Pushkine. Stranicy zhizni poeta. Vospominaniya sovremennikov. M., 1992. 464 s.*].

Григорьев В. В. Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. 679 с. [*Grigor'ev V. V. Imperatorskij Sankt-Peterburgskij universitet v techenie pervyh pyatidesyati let ego sushchestvovaniya. SPb., 1870. 679 s.*].

Дурылин С. Н. Русские писатели у Гете в Веймаре // Литературное наследство. 1932. № 4–6; / Предисл. ред. С. 81–504 [*Durylin S. N. Russkie pisateli u Gete v Vejmare // Literaturnoe nasledstvo. 1932. № 4–6; / Predisl. red. S. 81–504*].

Дурылин С. Н. Г-жа де Сталь и ее русские отношения // Литературное наследство. М., 1939. Т. 33/34. С. 217–286 [*Durylin S. N. G-zha de Stal' i ee russkie otnosheniya // Literaturnoe nasledstvo. M., 1939. T. 33/34. S. 217–286*].

Жуковская Т. Н. Национальные группы в составе профессоров Санкт-Петербургского университета в начале XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. 2011. № 2(20). С. 13–18 [*Zhukovskaya T. N. Nacional'nye grupy v sostave professorov Sankt-Peterburgskogo universiteta v nachale XX veka // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istorija. 2011. № 2(20). S. 13–18*].

Жуковская Т. Н. Стипендиаты российских университетов в Европе в 1800–1810-х гг. (по письмам и дневникам) // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. Вып. 9. Йошкар-Ола, 2016. С. 59–95 [*Zhukovskaya T. N. Stipendiaty rossijskikh universitetov v Evrope v 1800–1810-h gg. (po pis'mam i dnevnikam) // Zapad – Vostok. Nauchno-prakticheskij ezhegodnik. Vyp. 9. Joshkar-Ola, 2016. S. 59–95*].

Зверева Н. А. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова: автореферат дис... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Волгогр. гос. ун-т. Волгоград, 2005. 34 с. [*Zvereva N. A. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady S. S. Uvarova: avtoreferat dis... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02 / Volgogr. gos. un-t. Volgograd, 2005. 34 s.*].

Исабаева Л. М. Общественно-политические взгляды С. С. Уварова в 1810-е годы // Вестник МГУ. Серия 8: История. 1990. № 6. С. 24–35 [*Isabaeva L. M. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady S. S. Uvarova v 1810-e gody // Vestnik MGU. Seriya 8: Istorija. 1990. № 6. S. 24–35*].

Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: по подлинным делам Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии. Изд. 2-е. СПб.: изд. С. В. Бунина, 1909. 614 с. [*Lemke M. K. Nikolaevskie zhandarmy i literatura 1826–1855 gg.: po podlinnym delam Tret'ego otdeleniya Sobstvennoj ego imperatorskogo velichestva kancelyarii. Izd. 2-e. SPb.: izd. S. V. Bunina, 1909. 614 s.*].

Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 800 с. [*Majofis M. L. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossijskij modernizacionnyj proekt 1815-1818 godov.* М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 800 s.].

Майофис М. Л., Велижев М. Б. С. С. Уваров // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. С-Ч / Гл. ред. Б. Ф. Егоров. М. / СПб.: Большая российская энциклопедия / Нестор-История, 2019. Т. 6. С. 364–369 [*Majofis M. L., Velizhev M. B. S. S. Uvarov* // *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskij slovar'.* S-Ch / Gl. red. B. F. Egorov. M. / SPb.: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya / Nestor-Istoriya, 2019. T. 6. S. 364–369].

Михеева Г. В. Сергей Семёнович Уваров. СПб.: Российская национальная библиотека, 2022. 250 с. [*Miheeva G. V. Sergej Semyonovich Uvarov.* SPb.: Rossijskaya nacional'naya biblioteka, 2022. 250 s.].

Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX века: замыслы проекты, воплощение. М.: Новый хронограф, 2012. 448 с. [*Pisar'kova L. F. Gosudarstvennoe upravlenie Rossii v pervoj chetverti XIX veka: zamysly proekty, voploshchenie.* М.: Novyj hronograf, 2012. 448 s.].

Пустьовой И. С., Жуковская Т. Н. «Линия Уварова» vs «Линия Магницкого»: идеологическая борьба в министерстве народного просвещения в 1817–1821 годах и первая отставка С. С. Уварова // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 111–125 [*Pustovojt I. S., Zhukovskaya T. N. «Liniya Uvarova» vs «Liniya Magnickogo»: ideologicheskaya bor'ba v ministerstve narodnogo prosveshcheniya v 1817–1821 godah i pervaya otstavka S. S. Uvarova* // *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Seriya: Estestvennye i gumanitarnye nauki.* 2023. T. 2, № 1. S. 111–125].

Ружницкая И. В. Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.) / Российская акад. наук, Ин-т российской истории. Москва: Ин-т российской истории, 2009. 340 с. [*Ruzhickaya I. V. Prosveshchennaya byurokратиya (1800–1860-e gg.)* / *Rossijskaya akad. nauk, In-t rossijskoj istorii.* Moskva: In-t rossijskoj istorii, 2009. 340 s.].

Тарасов Б. Н. П. Я. Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // *Чаадаев П. Я. Статьи и письма.* 2-е изд., доп. М.: Современник, 1989. С. 5–37 [*Tarasov B. N. P. Ya. Chaadaev i russkaya literatura pervoj poloviny XIX veka* // *Chaadaev P. Ya. Stat'i i pis'ma.* 2-e izd., dop. М.: Sovremennik, 1989. S. 5–37].

Фёдоров В. А. Бартенева Пётр Иванович // *Андреев А. Ю., Цыганков Д. А.* Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 52–54 [*Fyodorov V. A. Bartenev Pyotr Ivanovich* // *Andreev A. Yu., Cygankov D. A.* *Imperatorskij Moskovskij universitet: 1755–1917: enciklopedicheskij slovar'.* М.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2010. S. 52–54].

Холмогоров Е. С. Русификация русских. Граф Уваров и третий русский национализм // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 86–123 [*Holmogorov E. S. Rusifikaciya russkih. Graf Uvarov i tretij russkij nacionalizm* // *Tetradi po konservativizmu.* 2018. № 1. S. 86–123].

Шевченко М. М. С. С. Уваров и М. М. Сперанский // Петербургский исторический журнал. 2023. № 3. С. 188–197 [*Shevchenko M. M. S. S. Uvarov i M. M. Speranskij* // *Peterburgskij istoricheskij zhurnal.* 2023. № 3. S. 188–197].

Шевченко М. М. С. С. Уваров. Политический портрет // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 27–50 [Shevchenko M. M. S. S. Uvarov. Politicheskij portret // Tetradi po konservatizmu. 2018. № 1. S. 27–50].

Шмид Г. К. История средних учебных заведений в России. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1878. 683 с. [Shmid G. K. Istoriya srednih uchebnyh zavedenij v Rossii. SPb.: Tip. V. S. Balasheva, 1878. 683 s.]

Шмидт С. О. О П. И. Бартеневе и книги о нем // Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 3–8 [Shmidt S. O. O P. I. Barteneve i knigi o nem // Zajcev A. D. Petr Ivanovich Bartenev. M.: Mosk. rabochij, 1989. S. 3–8].

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

ГПУ – Главное правление училищ

МНП – Министерство народного просвещения

ГПИ – Главный педагогический институт